

ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ
историко-просветительский журнал № 81

Граф Алексей Каменский

**Граф Сергей Михайлович
КАМЕНСКИЙ
(1771—1835)**

*200-летию Орловского театра и 200-летию окончания
Наполеоновских войн посвящается*

Москва-Орел 2015

*200-летию Орловского театра и 200-летию окончания
Наполеоновских войн посвящается.*

Граф Алексей Каменский

Граф Сергей Михайлович Каменский
(1771—1835)

Дмитрий Иванович Басов (1798–1868) орловский мещанин, владелец лавки в торговых рядах возле Богоявленской церкви, большой любитель и собиратель старины, в 1837 году приступил к составлению «Истории города Орла». Его труд вобрал в себя рассказы старожилов, собственные наблюдения, некоторые исторические сочинения. Это — бесхитротный рассказ о различных событиях в Орле с момента его возникновения до начала XIX столетия, его застройке, посещении города августейшими особами, быте горожан, прекрасно передающий колорит эпохи.

В.Г. Сидоров

Впервые отрывки из сочинения Д.М. Басова были напечатаны в 1849 году петербургским журналистом и издателем Н.И. Надеждиным в журнале «Северное обозрение». В 1861 году фольклорист П.И. Якушкин использовал извлечения из басовской рукописи в своих «Путевых письмах из Орловской губернии», опубликованных в журнале «Современник». Небольшие фрагменты «Истории» печатались на страницах «Орловских губернских ведомостей» в 1859 году. Затем в течение ста лет рукопись считалась утерянной. В 1959 году ее обнаружил в Центральном государственном архиве литературы и искусства литературовед и краевед Н.М. Чернов, автор книги «Орловские литературные места». В настоящее время копия рукописи Д.И. Басова хранится в Государственном архиве Орловской области.

Полный текст «Истории города Орла» помещен во втором выпуске машинописного альманаха «Орловский библиофил», подготовленного В.М. Катановым и А.С. Захаровым в 1984 году. В 1990–1991 годах «История» публиковалась в газете «Вешние воды».

Отдельным изданием «История города Орла» выходит впервые. В основу его положены материалы «Орловского библиофила», хранящегося в фондах областной публичной библиотеки им. И.А. Бунина.

В. Г. Сидоров

Первая страница рукописи Д.И. Басова

Начата сия История города Орла писаться Орловским мещанином Дмитрием Ивановичем Басовым в 1837 г., в марте месяце.

Автор

История о построении города Орла

С давних лет имела Россия войну с поляками; и опустошали поляки российские города; и так от польской границы не было селения до самой Угры реки; и продолжалось долгое время опустошение до дней благочестивого государя и царя великого князя Иоанна Васильевича Грозного. Сей государь начал строить города. Так и сей город Орел заложил по благословению российского митрополита Макария, от воплощения бога слова тысяче пятьсот шестьдесят пятого года¹. А кто в нем были чиновники и жители, о том, к несчастью, нигде не видно. И так продолжали селиться до тысяча шестьсот второго лета. По убиению царевича Дмитрия Ивановича и по умертвлении царя Федора Ивановича и по воцарения государя царя Бориса Федоровича Годунова, грех ради наших, по напущению божию был глад великий три лета. В то время появился в польском королевстве самозванец по имени Гришка Отрепьев, назвался царевичем Дмитрием и обольстил короля и вельмож, которые ему, Отрепьеву, поверили. И дал ему король войска. И по вступлении Отрепьева с польским войском в Россию, многие города поверили ему и пристали к нему. Собралась рать великая. И услышал царь Борис Федорович Годунов, что Гришка Отрепьев идет на Россию, и послал он войско навстречу самозванцу, которое встретило его под Брянском. И, вместо отпора, признали самозванца за царевича и целовали ему крест. Он, расстрига, из города Брянска писал указы в Москву и Тулу, и Рязань, и Калугу, и в Орловское городище.

Москва, Тула и Рязань, и Калуга его, Отрепьева, признали за царевича и целовали крест, а Орловское городище не приняло его, потому что здесь был воеводою царский брат Иван

Фёдорович Годунов. То после Гришка Отрепьев первейших граждан казнил, а прочих разослал в разные города. Это было тысяча шестьсот второго года².

По убиении Гришки Отрепьева в тысяча шестьсот седьмом году появился второй самозванец Петрушка Болотников³, который собрал шайку бродяг и многие бояре к нему приложились.

И так он, бродяга Болотников, пришел к Орлу и стал в нем собирать войско и отселе посылал указы в разные российские города. А потом перешел он в Калугу и где после убиен был. А по убиении его, которые татары служили ему, и те, все разбежались, так же крымские и ногайские. И многие города, подвластные самозванцу, выжгли тут же. И Орел весь до основания был выжжен⁴. И во время междуцарствия в России происходили многие несогласия.

В тысяча шестьсот двенадцатом году по воцарении царя Михаила Федоровича начали выгонять из России поляков. То поляки собрались около города Орла по реке Орлику на Царевом броде и стояли они тут до пришествия боярина Пожарского и гражданина Минина, которые изделали с поляками сражение⁵ и выбили их с места на Кромскую дорогу. И вторичное изделали сражение. Поляки удалились, где впадает река Цон в Оку. Тут изделали себе городок, который и до днесь находится, из которого их князь Пожарский выгнал. Их полки побежали к Кромам и там были воеводою отбиты.

Поляки от Кром до Волхова в одну ночь перебежали и едва Волхова не взяли, но были отбиты воеводою и побежали к городу Белеву. Туда за ними пошли и сам князь Пожарский, и гражданин Минин.

По изгнании поляков из России повелением благочестивого государя царя Михаила Федоровича и по благословению отца его Филарета Никитича патриарха Московского ради убиенных православных воинов построена церковь деревянная во имя Введения божией матери и заложен город в 1638 году⁸. А с которого времени начал город строиться — отсель, того не видно и по рассказам достоверным свидетеля, одного достопочтенного старца ста тридцатиосьмилетнего. Он рассказал

следующее.

— В 1827 (?) году отец мой, — говорил старец, — первый раз приехал в город Орел. Только было 5 дворов, которые стояли лицом к реке Орлику. А где теперь церковь Богоявления господнего, тут были у них городы. А на самом устье реки Орлика, где она впадает в Оку, тут рос дуб, а на дубу водились орлы. А в прочем месте, где стоял старый город, там видны были развалины⁷. Где теперь первая часть, — говорил старец, — я, детина 25 лет, сподобился видеть государя императора Петра I-го, который ехал на преславное полтавское сражение в 1709 году через город Орел, в котором было только мало домов. Ехал он в бричке или коляске без рессор. Его величество сперва перевезли на пароме, а коляску его после. А сам император стоял на берегу в 1-й части и дождался коляски. Тут я его видел⁸.

А где теперь мужской монастырь и остроги присутственные места, тут был лес большой, дубовый⁹. А где теперь мельницы Нижние¹⁰, что на реке Орлике, тут был собор, церковь и присутственное место, в котором заседал воевода, во-вторых президент. А после церковь была сломана и перенесена за реку Орлик на гору, где она и теперь находится¹¹.

А во второй части было мало строений. Где теперь церковь святого великомученика Никития, там прежде был лес¹². А где Новосильская улица¹³, от реки Оки левою рукой через 3 квартала, стоял глаголь, на котором вешали людей. А Нижняя улица¹⁴ вся была в болотах и лесе, где водились дикие гуси и утки.

А возле Плаутина кододезя¹⁵ была церковь деревянная — Покров пречистыя Богородицы¹⁶, которая сгорела. После построенная и теперь находится. А церковь деревянная святой мученицы Парасковьи, нареченная Пятницы, была насупротив теперешней церкви каменной¹⁷. По открытии губернии в 1779 перенесены были присутственные места на гору возле собора¹⁸. Полиция была построена деревянная на Ильинской площади¹⁹, позади Ильинского питейного дома. Шатер возле полиции был выстроен на Московскую улицу. А городской магистрат²⁰ построен был возле церкви Михаила Архангела²¹ лицом на Орлик²². По причине у ратмана²³ недостачи

денег, сгорел. А ратманов колодезь был под окнами.

После того магистрат был вторично выстроен деревянный на берегу Оки, пониже моста, в 1-м квартале. И был этот магистрат до построения нового, каменного, который до днесь находится.

Прежде открытия губернии острог находился возле церкви Михаила Архангела, после пожара перенесен к Нижней улице а потом перенесен к церкви Николая на Песках²⁴.

По открытии губернии острог находился возле церкви Николая Чудотворца по прозванию на песках, деревянный, огорожен был острыми кольями, а после этого перенесен был за Орлик, каменный, который и до днесь находится. А по разобранья старого здания, полиция была временно переведена в Забуловский дом на Московской улице, а после была переведена на Полесскую площадь²⁵ и была там, покамест не купили обгорелый каменный дом напротив училища или гимназии²⁶. Этот дом купили от общества прежде открытия губернии.

Вскоре открылось судоходство водных путей сообщения²⁷. Первый раз нагружены были две барочки по 12 сажень, а когда они поплыли из города, то весь их город провожал за 10 верст. А на реке Оке в то время моста никогда не было.

До тысяча восьмисотого года был один только трактир во всем городе под названием Теленков. Находился он в третьей части напротив церкви святого великомученика Георгия²⁸. Да еще была до тысяча осьмисотого лета одна табачная лавка во всем Орле. А находилась она в Рыбных рядах²³ под домом Якова Ермакова на самом углу. И народ так мерзил табашникам, что отцы с омерзением глядели на детей, дети на отцов, которые нюхали табак, жены на мужей. Но из женщин в то время никакая не нюхала. Даже из семейства выгоняли, не пили с ним и не ели, а все отвращение имели, как от собаки.

До осьмисотого года еще была певчая, где ныне городской питейный дом³⁰. В 1805 или 1806 году привезли в эту певчую орган. А жители этого органа от роду не слыхивали, с неделю толпилось около певчей столько народу, что по улице и пройти и проехать было нельзя. И народ, который хаживал в трактир,

был в великом омерзении. Так ежели случится молодому человеку, холостому, зайти в трактир, и после он вздумает жениться, то как скоро узнают, что он был и трактире, то не отдадут ни за что никакой девки. Только говорят: — Ох, матушка! он трактирщик, в трактире был! В старой полиции³¹ служителей мало было. По будкам по большей части стояли на часах по ночам жители по очереди. Буде мужчины нет, то жена, ежели жены нет или недосуг и ежели сына нет, то дочь хотя и невеста. А хаживали караулить по будкам, пожарной команды или инструментов не было. А только одни жители сами собой пожары тушили³². Так из каждой харчевни с бочкою ехали жители. Также, кто с бочкою жители, кто с багром, кто с топором, кто с помелом, кто с ведром. Так, кому быть с чем, у того на воротах была прибита дощечка с изображением багра или ведра, или топора, или помела. И так ежели паче чаяния в которой части случался пожар а житель не был с означенным инструментом, то с того брали пени — пятьдесят копеек.

А по улицам города до 1820 года были канавы для стоку воды, отступя от строения на сажень. А мостовые были мощены только одна середка — поперек мостовой сажень с четвертью. А крашенных домов купеческих или мещанских отнюдь не было, кроме господских. А особливо, когда город не был по плану разведен, то улицы были узкие: едва только могли разъехаться телеги. А мостовые были тогда деревянные.

А допросы брали в полиции пыткой. Пытали разными манерами. В морозы на дворе голого обливали холодной водой, иных секли по перекресткам плетьюми. Иных крячали головы крячем, иных кормили солеными селедками, а пить не давали, иной ничего не знал совсем и то во всем сознавался. Наказанье было за важное дело: наказывали кнутом на площади, после рвали ноздри и ставили клейма на лбу и на щеках, а после ссылали в Сибирь в каторжную работу, а которых наказывали плетьюми, тех ссылали в уездные города,

До разведения города по плану³³, словом сказать, старый город имел свои границы в 1-й части, начиная от реки Орлика, где Верхняя мельница. Церковь Михаила Архангела была на краю города. Отселе так и далее шло к Хвастливой

мельнице³⁴.

А Пушкарная слобода³⁵ не селилась за городом. Между городом и Пушкарною слободой было поле. Эта слобода была из высланных из Москвы бунтовщиков пушкарей из старого войска! которое ещё было нерегулярным при Петре первом, императоре.

А соленые конторы были в поле³⁸. А где теперь церковь Святого Иоанна Крестителя³⁷ тут была одна часовенка с иконами. А церковь построена и совсем освящена около осьмисотого года и названа кладбищем. И был первый похоронен на нем Марко, дьякон-иконописец. Его дом был, где теперь Якова Николаевича Кузнецова на Карачевской улице³³ возле Иоанна Михалыча Суханова. В дьяконовом доме находился в 1 части объезжий дом долгое время. И Стрелецкая слобода³⁹ населена с пушкарями в одно время, потому что они вместе бунтовали. И так их разослали понемногу в разные города при Петре Первом. И была старая Стрелецкая слобода к самому почти старому городу с усмежности.

А по разведению города по плану переселена она, где теперь находится. А Черкасская слобода⁴⁰ сама по себе выстроена, где она теперь на своем месте находится. А во второй части, в старом городе, до разведения города по плану, жителей только и было, начиная от реки Оки или от очного моста⁴¹ до оврага Пересыханки⁴² протяжением до Мацневой улицы⁴³. А по Разбегаевке⁴⁴ было три двора. А между Разбегаевкой и старым городом сеяли хлеб. А где церковь великомученика Калиты⁴⁵, тут был лес. Возле леса стоял старый убогий дом (эти убогие дома находились по погостам до 1821 г. (Прим. автора)) где в зимнее время клали в общий дом бедных мертвых, утопших и замерзших; а по прошествии зимы после светлого Христова воскресения, на Фоминой неделе во вторник, погребали их торжественно. Сходиллся к этому дню народ как из города, так и из разных деревень и составлял ярмонку. Как у нас теперь собирается на пятницу десятую. А по другую сторону леса, где теперь Новосилкова гора⁴⁵, там были конюшни деревянные. А по разведении города по плану перенесены эти конюшни были к Карачевской заставе⁴⁷, идя в город, на левой руке,

в первом квартале. А после они были выстроены за Орликом на горе каменные, которые и до днесь находятся.

А Нижняя улица была населена жителями Покровской слободы⁴⁸ однодворцами, и где у них была церковь деревянная. Однодворцы по разведению по плану города переселены были, где теперь Покровская слобода находится. А Пятницкая⁴⁹ на своем месте и теперь. В 3 части в старом городе, около Орлика, поту сторону весьма мало жителей было. А подале города была населена Солдатская слобода⁵⁰, где она и теперь находится с монастырем Введения божией матери⁵¹. Также за городом вначале стараниями слободских солдатских жителем была построена церковь каменная во имя святого великомученика Георгия⁵², в честь ордена. И была эта церковь выстроена за городом. А где теперь присутственные места⁵³, там хлеба сеяли монастырские крестьяне, потому что земля была их крепостная.

А по разведении города по плану была эта земля обменена на городскую. Им дана городская подалее, а у них взята эта себе и выстроены на ней присутственные места.

А монастырские крестьяне подарены были монастырю до лет императрицы Екатерины Второй.

О путешествии ее императорского величества через город Орел

В 1784 году⁵⁴ государыня императрица Екатерина Вторая изволила быть в Крымском полуострове, оттуда возвращалась через город Орел, Орловские жители узнали намерение ее величества. По тогдашнему обыкновению начались приготовления. Во-первых, построены были ворота на Курской заставе⁵⁵ временные и украшены были разными цветами. И тут в заставе дожидались ее величества все дворянство и купечество и градские суды. И выбраны были жители хорошего поведения, отличались хорошим платьем от прочих, то есть богатые. Они были в следующем наряде. На голове был сборник, весь по бархату шитый золотом. Надевался он на голову.

Вышиною был этот сборник 8 вершков. И к сборнику были головы повязаны платком горнитуровым лучшей работы. А на лбу надета была жемчужная подвесь. Шириной была подвесь 3 вершка и более. А длиною была 2-х вершков. Это было у щеголих тогдашнего времени. А у степенных были кокошники. Кокошник имел вид полукружия; около всей головы, начиная почти от самых плеч, на 6 вершков тоже был шит золотом и обложен хорошими позументами. На верху кокошника было покрывало белое из отличной кисеи. На краю обложено отличным позументом. И так же с подвесью епанечки. На них разной материи, а именно, и золотой парчи, и простой парчи, и штофу, и горнитуровой материи, и юбки такой же материи. Женщины подавали ее величеству хлеб и соль, который она изволила принять. Потом она отправилась в церковь Преображения⁵⁸ господня на фатеру, где присутственные места. Изволила быть на балу. Нарочито для нее был сделан дом. Дом⁶⁷ ей был построен на берегу реки Оки повыше моста, в первом квартале, на правом берегу. В доме изволила кушать и пригласила к этому столу здешнего города жителей, человек до 12-ти, и поднесла им по бокалу водки. Имела разговор. Особенно занималась она больше говорить с орловскою купеческою женою Акима Афанасьевича Шупана, он же Иноземцев, Анной Андреевной. На другой день она отправилась из города Орла по Московской дороге в новые Московские ворота⁵⁸, нарочито для ее величества изготовленные. Прежде приезде в Орел ее императорского величества был пожар, в котором все ряды сгорели⁵³, которые были деревянные. На место этих погорелых выстроены новые, каменные, которые и по днесь находятся.

В 1785 году был пожар в городе Орле, от которого все Красные ряды погорели, ибо они были деревянные, а на месте их были поставлены каменные, которые и до днесь находятся.

Происшествия

Во дни государыни императрицы Елизаветы Петров-

ны⁶⁰ на Половцу⁶¹ двух человек, города Орла жителей, поймали с табаком, а на Разбегаевке секли их кнутом.

В начале царствования государыни императрицы Екатерины Алексеевны, города Орла жителя Ивана Фёдоровича Давыдова за разные его нехорошие поступки и за буянство, тут же за воровство, повесили на глаголе. Глаголь стоял за Орликом на горе⁶², где теперь старый Акулов дом. Рассказывала семидесятилетняя старуха:

— Мы смотрели с правой стороны реки Орлика и видели его издали. Даже в воде тень его видна была, как он метался и кричал, а повешен был за зебры⁶³.

О повешении на глаголь Зеленина

А по рассказам достоверным человека, а именно орловского купца, осьмидесятилётнего старца Ивана Ивановича, господина Верижникова, бывшего два раза градским главою, который в 1826 году ездил для коронации в Москву государя императора Николая Павловича, потому что все губернские градские головы были вызваны, в том числе и Верижников был в Москве и жалован от императора медалью, то он, Верижников, рассказывал следующее происшествие. Сказывал он, что один орловский мещанин какой-то, по фамилии Зеленин за разные его нехорошие поступки и смертоубийства приговорен был на виселицу. Виселица была на Курской дороге⁶⁴, где теперь дом купца Алексея Козмича Корабкова. И сказывал это мне отец мой родной, — говорил Верижников, — этого преступника Зеленина прежде справили по долгу христианскому в церкви, а по выходе из церкви повели его, Зеленина, к виселице. Дали ему в руки большую толстую свечу желтого воску и повели его за большим караулом, где находился сам воевода. Палачем в то время был мещанин Камчатников. Когда привели его, Зеленина, к виселице, то свечою все свои руки облил воском. Впереди виселицы был рундук наподобие эшафота. Этот Зеленин славился по городу Орлу первым силачом и прежде он, Зеленин, одному приятелю похвалился, что де когда ста-

нет с палачом на эшафоте, наденет петлю на шею и бросится с эшафота. Это палачу все передали. А когда его, Зеленина, на эшафот привели, тогда палач, возвыся голос свой, и сказал воеводе:

— Господин воевода, прикажи мне над ним взять волю.

Воевода отвечал:

— Когда он тебе даден на руки, то воля твоя с ним. Как хочешь.

Тогда палач Камчатников взял из кармана тонкую верёвочку, ибо она у него в кармане находилась, и взял он сперва обе руки у Зеленина и сложил он их обе ладонь к ладони, палец к пальцам, и взял веревку и перевязал все пальцы попарно обеих рук накрепко, дабы он, Зеленин, не исполнил своего намерения, и стал он связан. Потом надел ему на голову шнурок, а потом и петлю и толкнул его с эшафота. Он сильно рвался в петле, связанный, думал силой оборвать аркан на шее, потому кто оборвет аркан на шее, тот избавится от казни. Он долго мотался, а потом и умер. А зрителей было — весь вышел город смотреть, как будет поступать палач с Зелениным.

И сказывают, это было в 1762 году июля 25 дня⁶⁵.

О Давыдове с Алябьевым происшествии

Оный же купец Верижников рассказывал другое происшествие, которому он сам самовидец был лет тому шестьдесят пять назад.

Говорил он, в городе Орле на Разбегаевке была харчевня купца Анисима Алябьева и был еще купец Никита Иванович Давыдов, который имел жительство напротив церкви Покрова пресвятой Богородицы. Этот дом Давыдова перешел в руки Петра Тихоновича Медведева. Оный Медведев женился на его, Давыдова, дочери, и в его, Давыдова, доме квартировал начальник города воевода. И была в его доме винная контора. Оный Давыдов человек был острый и надменный. И гордился он тем, что у него жительство имел воевода. И нанял он у купца Алябьева харчевню, в которой сам Алябьев пек калачи. Оный

Давыдов на другой день утром пришел к купцу Алябьеву в харчевню, в которой Алябьев сам подрезал калачи ножиком. Говорил Давыдов Алябьеву, чтоб он харчевню ему сей час очистил. А он ему говорит, что он калачи попекет, тогда и очистит. Но как он надеялся на воеводу, то требовал с великим азартом, чтобы он сию минуту непременно ее очистил. Алябьеву хотелось попить калачи. А Давыдов начал выгонять Алябьева из харчевни палкою. Оному Алябьеву досадно стало, что он его из собственного дома изгоняет, пришел в азартность, Как он, Алябьев, имел в руках своих ножик, то, осердясь на Давыдова, и вдарил Давыдова ножом в живот. А Давыдов сначала не почувствовал боли, пришел еще более в бешенство и полез всею силою на Алябьева. Алябьев вторично Давыдова вдарил ножом и прорезал у него вторую рану в животе. Тогда Давыдов почувствовал себе смерть и побежал опрометью из харчевни вон к воеводе, и перебежал он половину квартала, и повалился, а сам кровью залился.

Тут жила старуха лекарка напротив этого места, где он повалился. Она, увидав это дело, тотчас ухватила иголку с ниткою, и зашила ему живот, где распорол ему Алябьев в двух местах. Давыдов собрал все свои силы воедино и поднялся, и пошел с жалобою в тайную канцелярию к воеводе. А канцелярия была возле Нижней мельницы. Местоположение имела канцелярия так. Сделана была насыпь — аршина четыре вышины из земли, а длиною и: шириною имела семь сажен и обложена была дерном. На этом возвышенном месте стояла тайная канцелярия, в которой присутствовал сам воевода, во-вторых, президент. Оный Давыдов, принеся жалобу на Алябьева, показал ему раны и отправился ко двору своему, а к вечеру и умер.

Этот Алябьев взят был тотчас под караул и посажен был в острог, в котором он находился до шести месяцев.

В то же самое время в городе бургомистром был Степан Степанович Кузнецов. Любил честь и чтоб его все боялись, кланялись, а когда что он говорит, чтоб все слушали.

В то время было обыкновение выбор начинать. За шесть месяцев прежде в том же году последовал выбор бургомистра, и выбрали другого. А народ начал ему, Кузнецову, смеяться:

— Вот ты, бургомистр, а не кончил ты алябьевского дела!
Тому Кузнецову стало обидно и, не рассудя, что дело заведено своим порядком, окончания дела не дождался. Дабы год не прошёл, начал своим судом судить. Приказал привести его из острога на площадь, которая находилась возле магистрата⁶⁸, который находился возле очного моста, выше по реке в 1-м квартале.

В то время был палачом Иван Коренев, он же Головин.

По приведении его, Алябьева, на площадь в то время собралось народу мало не весь город. Везде слух по улицам города разнесся, что Кузнецов начал на площади разыскивать Алябьева. Все от малого до великого сбежались смотреть. По приведении его, Алябьева, на площадь, где уже находился сам бургомистр Кузнецов и тут же палач Иван Коренев, тотчас при всем народе бургомистр Кузнецов с великой гордостью приказал на Алябьева надеть хомут. Тот час приступил палач Коренев и надел ему, Алябьеву, хомут так, что у него вывихнулись руки — лопатки назад, — и так он ходил до смерти.

В то время был в городе житель Степан Акулов, имел силу великую и славился силачом по всему городу. И все его боялись. У него были такие же люди наняты, работники, люди отчаянные и смелые, и сильные. В это самое время, когда хомут надели на Алябьева, в то самое время прибежал один житель, известил его, Акулова, что бургомистр разыскивает Алябьева на площади, что Алябьев уже кричит изо всей силы жалостным голосом. Так тронуло Акулова, что тот вскочил со своего места и закричал своим работникам, которых собралось тот час человек до восемнадцати. И ухватили дубовые рычаги, и стремглав бросились на площадь, где разыскивал Кузнецов Алябьева.

В то самое время вбежал в присутствие бургомистра человек, житель, сосед Акулова, тот час великим голосом закричал бургомистру:

— Спасайся! Бежит вот сам Степан Акулов и с товарищами.

А как бургомистр знал ухватку Акулова и что многим тут пить смертную чашу, тотчас выскочил бургомистр из своего

присутствия и опрометью, стремглав бросился к реке. А на реке вода была большая. Он, Кузнецов, едва перешел реку с великим трудом. Едва не утонул и спасся в доме купца Ивана Пастухова.

А когда бургомистр вскочил с своего места и бросился и реке, в эту самую минуту народ наподобие молнии опрометью разбежался. И палач Коренев последовал примеру бургомистра. Так весь народ с площади разбежался. Только один Алябьев в хомуте остался. Тогда появился впереди сам Акулов в великом бешенстве и с своими отважными товарищами на площади, на которой лежал только один Алябьев и кричал жалостным голосом.

Тот час Акулов приказал своим товарищам сыскать бургомистра, но они долгое время его искали, а выискать не могли, попался только им один палач Коренев, которого привели к самому Акулову. Дрожа весь от ярости, он держал в руке своей большой дубовый рычаг, спрашивал палача Коренева, который по приведении его к Акулову весь затрясся, думал что Акулов лишит его жизни. Акулов спрашивал Коренева с грозным видом где бургомистр. Отвечал Коренев дрожащим голосом, что не знает. Указывал Акулов рукой на Алябьева, лежащего среди площади и кричащего изо всей силы. Приказал Кореневу снять с него хомут, ибо сам Акулов не успел его снять. Тот час Коренев исполнил повеление Акулова и снял хомут с Алябьева. И так Алябьев принес благодарность Акулову за свое избавление и едва отправился ко двору. А когда он, Алябьев, оправился здоровьем, тогда отправился он в Петербург и государыне императрице Екатерине Алексеевне с просьбой на бургомистра и с прописанием всего происшествия.

Тогда императрица решением своим учинила Алябьева освободить, а бургомистра Кузнецова за таковой его поступок сослали на поселение в Таганрог.

И с прочих судей взыскала в пользу Алябьева.

Кузнецов на поселении находился малое время, ибо вскоре последовал милостивый манифест, по которому он, Кузнецов, возвратился в Орел. Жил после до смерти вне города.

И так окончилось сие происшествие.

О самоваре

Лет семьдесят тому назад орловский купец Иван Афанасьевич Давыдов в первый раз привез самовар в город Орел и поставил его на окошке, то народ с неделю толпился около двора его. Все говорили и дивились, что сам греется.

А прежде этого самовара были в употреблении черные медные чайники. И в те поры чаю мало пивали, а больше употребляли шалфей вместо чая...

В 1842 г. августа 14 освящена каменная часовня на благословенную церковь. Священники были: один наш отец Петр, другой из Калуги, третий из Белева, дьякон и дьячок из Курска, один дьякон из Калуги.

Заводители благословения:

1. Семен Иванович Соломатин
2. Никита Степанович Масленников
3. Борис Филиппович Васильев

О наряде городском. В главном — платья

До тысяча восемьсотного года господа дворяне мундиры носили длинные, а шляпы косые; с пудрою были головы и косы назад; а сапоги были большие, выше колен, ежедневно ваксировали их и наводили лак; а штаны по большей части были желтые лосиные. В руках имелись трости.

А барыни были в чепчиках. А шляпок в те поры не было. Платье по большей части белое; хвост длинный, аршина в 3, который несла за ней девка; в жаркое время были у барынь в руках махалы. Тогда гребешков головных мало было в употреблении.

Купечество и мещанство, почтенные города Орла жители, первостепенные, носили на головах шляпы поярчатые, простые, крылья большие у шляп. Шляпа обвита бархоткой, и зимою треушок небольшой; и были бобровые; в летнее время

в кафтанчиках, подпоясавшись, с валиками, а сверху — свита хорошая, сапоги простые, большие. А зимою в полушубках с пуговками серебряными, а сверху шуба лисья и кеньги на ногах.

Молодцы

А молодцы щеголяли — волосы лежали по плечам: шляпы поярчатые, колпаки высокие, а крылья большие, почти в 4 вершка, и опушены бархоткою, на шляпе внизу около лба бархотки шириною в вершок, на бархотке пряжка. А у самого щеголя — две, разноцветные и яркие, кафтан лучшего сукна с валами назад, всех 48 валов; поверх валов была подпояска хорошего шелку, отличной работы складкою шириною в четверть и более; а сапоги козловые, лучшие: каблуки строченые белою бумагою и сбоку каблуков — белой же бумагой; а носы в сапогах острые и длинные, иногда по вершку, и со скрипом; а на руках перчатки были нитяные. А хаживали, особливо на светлое Христово воскресенье девичьих корогодов — человек по 20-ти.

Ребята

До осьмисотого года малые до 15 лет бегали по улицам безо всякого дела, а девки без юбок до 12 лет были. И маленьких девочек, когда они были 5 лет, тогда у них на косах привязывали махор, вынизанный разным бисером, видом треугольника, дабы он тягостью своей тянул вниз, а коса бы более росла. В 10 лет девочек обучали прясть.

Девушки

А невесты, девушки богатые, когда невестились, выносили стул на улицу и ставили против ворот, аршина на 2 от строе-

ния, а девушка наряжается, надевает рубаху тамбурную, какая только лучше, с манжетом, надевает юбку золотой парчи, душегрейку золотой парчи, вокруг облаженную хорошим позументом или газом. Лицо набеливши и нарумянивши; на голове платок, шитый весь золотом убравши, серьги в ушахudevши весом с полфунта и меньше, на шее жемчуг крупный во всю шею, сядет на стуле, а в руках держит платок. А бедные хотя на стуле или на скамейке сидели, а платье надевали шелковое или ситцевое. А женихи около их по улице хаживали и так себе невест выбирали.

Около 1790 года, когда на квартиру солдата поставят в том доме есть девушка невеста, то солдат и холостой, а ее не увидит, все держали девок взаперти, и девки боялись солдата, как какого-либо демона.

О старухах

Старухи хаживали богатые — на голове были косые кокошники; они низенькие, почти около головы парчовые и шелковые; в ушах серьги, рубахи кисейные; охабенок шелковый или китайчатый, обложен вокруг кружевами и с серебряными пуговицами; на ногах были ходики; а хаживали в церковь или в гости, одевши меховую шубу, крытую шелковой или китайчатою материей; а голову покрывали белым кисейным покрывалом; и с палкою в руках.

Между 1771 и 1775 годами было в городе Орле весною половодье. Вода была великая. В церкви Богоявления⁶⁷ господня и Покрова пресвятой Богородицы и в церкви Святого Николая-чудотворца, что в рыбных рядах⁵⁸, и в церкви Преображения господня по колени была вода; и в этих церквях службы не было. Около Воскресения церкви⁶⁹ на лодках плавали. По пришествии воды народ задыхался в погребах, которые лезли за квасом или за капустою, или за огурцами; и померло до двадцати человек.

До 1770 г живали приказчики и работники у хозяев, платы получали, ежели 15 лет, то 1 р. 90 к. и 2 р. на год; годов в 20 по-

лучал платы 5 р., а главный приказчик получал 25 р., дороже не было.

В те поры народ щеголял. Самые щеголи — шляпа поярчатая большого калибра, крылья большие, опушены по краям мишурою наподобие золота и бархата, с пряжкой; волосы длинные почти лежали по плечам, кафтанчик, балахон из тонкого сукна, назади с валиками, подпояска коломянковая или белая с лапочками, с большими мохрами; на ногах обувши коты; все исстрочены мишурою на манер золота, и в онучах или простых чулках.

В те поры по всем хозяевам книг записных долговых не было, как нынче, а если кто у кого делает забор⁶⁹ а, то метили на бирку; а если кто не станет платить долго долгу, то приходит к должнику и говорит:

— Отдашь ты мне долг или нет? А то срежу. То есть, что занимал, замечено на бирке.

То должник повергается на землю и кланяется в ноги, говоря:

— Пожалуйста, не срежай, я деньги отдам.

А если не отдаст, тогда приходит какой-либо праздник или воскресный день, тогда кредитор и должник приходят к обедни; по отходе обедни снимают при всем народе с головы должники шляпу, тот остается самым негодным человеком в городе.

С древних времен и до 1810 года свечи восковые продавали при входе в церковь старики и старухи и девки, малые ребята; а все держали их в тазиках по большей части.

В 1846 г. марта 15 утром на Оке сорвало мост, а на Орлике 17 марта.

Об обрядах городских и увеселениях

До 1810 г., начиная от светлого Христова воскресения, в праздники было обыкновение: если кто из жителей проспит заутреню, то тогда собираются соседи, приступают к дому тихим шагом, стараются чтобы изловить спящего; если удастся

им поймать, особливо на постели, тогда с великим криком ведут его прямо с постели хотя и в одной рубахе, разувши, прямо к колодцу и купают его водою; ведер 50 выльют на него; а если поблизости есть река, то — в реку при многочисленном собрании народа, малых и больших, которых собиралось множество для увеселения.

Еще после обеда во всю светлую неделю собирался народ на Воздвиженскую площадь⁷⁰, где было построено много лавок овощных, до 50, собиралось множество девушек артелями и водили хороводы.

Молодые ребята заводили кулачный бой; и было стечение со всего города. После того было у Николы на Песках такое же увеселение, после этого у Никития-мученика, под названием Богдановка⁷¹, но только без кулачного боя.

Хаживали жители по обыкновению на колокольню звонить; и женщины и девушки и малые ребята непременно должны хотя 3 раза ударить в колокол: думали, что если позвонить в колокол, то весь год не будет голова болеть.

А когда наступит Троицын день, тогда народ после обеда отправляется в рощу. Гулянье в роще прежде было под названием Монастырской⁷². Она находилась на самом том месте, где теперь казармы казенные стоят. И народ весь из города и молодой, и старый шел кроме того, кому остаться для дому. И каждая артель несла с собой каравай. Придя в рощу, погуляв, сядут в кружок и расстелят настольник, и поставят каравай, и подносят вино или пиво, и пьют, и песенки поют, и скачут; и девки гуляют по роще, поют песни, и молодцы так же гуляют. И тут же в лесу находятся 5 временных кабаков, в каждом кабаке приготовлено сот по 5 плошек, которые черный народ разбирает: нальет вина или пива, и возьмут плошки и сядут в кружок, и пьют, вместо рюмок или стаканов, и песенки поют и хохочут и ногами топчут. А в ином месте деревенские бабы и девки хороводами поют песни и скачут, а в ином месте комедияны комедии на веревках и на разных штуках представляют.

По вырубке этого леса под казармы перешла эта гульба в Мамонову рощу⁷³. Мамонова роща была за городом не далее 2-х верст, на левом берегу реки Орлика. А в 1810 году⁷⁴ было

гулянье в роще генерала фельдмаршала графа Михайлы Федотыча Каменского при деревушке Образцовой75, от Орла в 4 верстах, на правом берегу Орлика, где был раскинут шатер, отбитый у верховного визиря во время турецкой компании и подаренный ему ее императорским величеством государыней Екатериной Второю; пространства не менее в длину сажень 10, весь расписан золотыми звездами и полумесяцами, под которым он, фельдмаршал, угощал орловское дворянство, а на левом берегу находились круговые и веревчатые качели.

Наподобие Монастырской и Мамоновской рощ здесь гуляли и качались простые народы, а на дорогах, ведущих в Мамонову рощу, стоял караул из ординарцев. Не пускали туда ни одного человека.

А в 1814 году перешло это гулянье в рощу господина Костомарова, под названием Жил ену76, возле Монастырской слободы.

В 1839 году была зима, голод, а у Костомарова у Жилиной роща дубовая вся вымерзла и так кончилось гулянье; и теперь оно в общественном саду77.

На Петров день было гулянье возле Верхней мельницы78. Тут были качели веревчатые и круговые, и стояли шалаши с фруктами: и продолжалось это гулянье два дня. А 1 августа было обыкновение посещения воды; весь почти народ в этот день в рубахах перекупается, даже и младенцев перекупает.

А сентября 1-го мух и блох и тараканов живых хоронили. В 21 день ноября в церковь Введения божьей78 матери на праздник девушки со всего почти города к заутрене сойдутся, по тогдашнему обыкновению, косы назад выпустивши; все же у некоторых начали резать косы и ленты, и так с тех пор начали девки подбирать косы.

В день Христова рождества дети богатых купцов и бедных людей по дворам Христа славить ходили, за то им давали христовславного — кур и денег.

В день светлого Богоявления господня, 6 января, после водоосвящения производили пушечную пальбу.

О сырной неделе

Еще до честной Масленицы, недели за 2, начнут собирать-ся шайки гуляк, составлять обозы, а именно хорошие сани; около саней сделано подобие занавесок кругом и обвешают рогожами; запрягут 3-х лошадей и насажаются вот человек 10 или 15 песенников и поедут кататься по городу, крича во все горло песни, иные и с тарелками. И так к ним соберется народу на лошадях во всю улицу; если где обоз наедет напротив обоза и съедутся на улице, то часто дрались, отчастию даже приходилось и в колья, пока разберутся. В 1806 г. орловский мещанин Сергей Сергеев Пирожов собирал к себе отважных людей, гуляк, недели за 2 этой Масленицы; утром обоз, а именно лучшую телегу, вместо рогож обвесили голубою тафтою; а телегу убрали: как-то, и грядки, и на оглоблях правилы, и оглобли были обернуты разноцветными бумажками, даже шлеи и те были обернуты бумажками; на головах всех трех лошадей были хохлы на подобие золота; хохлы и вожжи были разноцветными бумажками обернуты; а в середине — человек 15 песенников; все были в новых поярчатых шляпах, на шляпах были ленты вершка в 2 ширины, и с тарелками.

Вот так наши молодцы гулевали до 12 года...

1810 года граф Михаил Федотович Каменский жил в селе Сабурове60, от Орла 12 верст по Карачевской дороге, в сторону по левой руке от Орла. Едучи 2 версты, оный граф Михаил Федотович хотел прорубить лесом дорогу на Кромскую и выгнал своих мужиков для рубки леса, в том числе и своего дворецкого из другой вотчины за худое поведение. А когда народ рабочий отдыхал, то граф ехал по лесу и стал спускаться под гору на мост, и маленько лошади понесли бить; а назади человека не было, только с одним кучером. Оный граф кричал кучеру: — Легче, легче!

А этот враг и убийца дворецкий в то время сидел в этом месте в кустах, и выскочил из куста, и сказал:

— Вот я тебя полегчу!

И ударил графа по голове топором, и рассек ее надвое, отчего граф Михаил Федотович Каменский скончался.

Кучер, увидев такое дело, прибежал в село и ударил в набат. Тотчас собралось множество народа. Тотчас и объявил, что Иасонт убил графа топором в лесу, ибо этого дворецкого звали Иасономб1.

Народ в великом страхе рассыпался по лесу. Долгое время искали убийцу и не нашли. На третий день убийца сам явился, ибо он по убиении тотчас влез в реку и сел под кустом по горло, а когда есть захотел, то он и вышел. Тотчас взят был под стражу и отправлен в город в острог.

Решением Указа постановлено было его, убийцу, наказать 201 ударом кнута. То наказывали и в селе Сабурове напротив двора — 100 ударов, а сто один удар на месте, где убил барина. Из Сабурова села сам шел убийца пешком на место оное, расстояние было 5 верст, потом отправлен был в город Орел, через неделю в остроге скончался.

А господина фельдмаршала графа Михаила Федотовича Каменского тело перевезено было ко двору, где было и предано земле с подобающей честью.

Из города Орла было духовенство, кроме архиерея, потому что тогда архиереи жили в Севске, его не было. Вот какая кончина была графа Михаила Федотовича Каменского.

А с 1814 года прибыл в город Орел сын покойного графа Михаила Федотовича Каменского граф Сергей Михайлович82, генерал от инфантерии, избрал себе место напротив нового собора и целый квартал купил у обывателей местов; и расчистил место и построил себе дом весь деревянный и при этом сделал церковь и стены в церкви были подведены на манер мрамора, с хорами, на которых стояли отличные певчие; иконы все были живописные.

Еще устроил при доме театр, в котором сам изволил быть директором. На открытии дома, богослужения в церкви и театра изволил сделать за городом фейерверк отличный; стоил ему семьдесят тысяч. Народ с удивлением смотрел на фейерверк, ибо от начала города не было у нас фейерверка.

Жил здесь граф в великой роскоши; за рублевую вещь давал 25 р. ассигнациями, и были балы, гости ежедневно; словом оказать, у него было при дворе не как у какого-нибудь

маленького владельца.

Отчего все имение свое пропил, как то село Сабурово, в котором отец его схоронен и брат, и деревню Звягинки, большую деревню. Сабуровский лес продал орловскому купцу Дмитрию Ивановичу Камкову, Сабурово — село — прежде, бывшему купцу, а потом он вышел в дворяне, Никите Тимофеевичу Анцыфорову, а Звягинки продал он графу Красовскому.

Когда он имения и крестьян прожил, тогда из города Орла уехал в Москву в 1835 году, ибо у него маленькая деревушка была в Московской губернии. То он, Сергей Михайлович, некоторых из своих людей отпустил на волю, а остальных взял всю дворню с собой, и музыкантов привез его сиятельство в свою вотчину. В вотчине его был небольшой господский дом о трех комнатах и двор с сараем. То его дворовые, вместо домов; в сарае в одном и с музыкантами поместились. Дворовые — люди избалованные и изнеженные, малые ребятишки по двору около барских хором ползают с великим криком. Дворовые-то все грустят, повеся голову, ибо жить не в чем.

Тогда граф Сергей Михайлович сжалился видя озлобление людей своих, сел на стул, положил бумагу на стол и написал вольную всем ста двадцати человекам, кроме музыкантов.

Эти вольноотпущенные, поблагодаря его сиятельство со слезами, простились с ним и едва до Орла дошли, и поместились кто куда и в какое общество попал. Граф по отпуске крестьян уехал с одними музыкантами в Москву и там скончался⁹⁴.

Дом его в Орле купил барин Бахтин⁸⁵ на постройку кадетского корпуса за 30 тысяч, и в 1837 году августа 19 в 8 часов заложен его императорским высочеством наследником Александром Николаевичем по прибытии в город Орел на пути путешествия своего по России.

О приезде в город Орел ревизора генерала Николая Ефимовича Мясоедова в 1816 году⁸⁸

Вот пришла радостная, а для некоторых горестная весть

о приезде ревизора Мясоедова в город Орел из города Курска, ибо, что он делал в Курске, то все было известно в Орле. Все торопились и спешили устретить Мясоедова. Виновные, которые анализа собой дела, трепетали, а некоторые радовались. Только в городе и разговору, что когда будет к нам Мясоедов, что не скоро особливо торопится в город Орел.

Орловский купец Алексей Матвеевич Анцыфоров с товарищами своими, которым 8 голову вошло, будто градская Дума много их денег забирает и понапрасну, он-то, Анцыфоров с товарищами, сошлись сделать себе доверенность от всего города; и подписали ему человек 800; он всех обнадеил, что присутствующие много денег собирают понапрасну, что мы их сочтем, и денег с их взыщем, и поделим по рукам, или зачтем в подушные деньги.

И так они весь город вооружили против правительства.

В те поры градским главою был орловский купец Иван Иванович Верижников, а секретарем в думе Иван Федорович Телешов. Народ весь с нетерпением ожидал Мясоедова; кто из Курска приедет, то всякий спрашивает, скоро ли будет к нам Мясоедов. По всем присутственным местам принялись всякий за свое дело с великой торопливостью.

Наконец, для некоторых радостный день настал, а для некоторых роковой день, и приехал в город Орел генерал Мясоедов, и остановился квартирою в 3-й части в господина Тютчева доме, ибо в этом доме отведена ему была квартира, а чиновник, приехавший с ним, род секретаря, по фамилии Михайлов, остановился возле церкви Введения Божьей матери в доме Одадуровом. На другой день приезда генерала Мясоедова представлялись чины гражданские, после чинов предстал перед ним сам Алексей Матвеевич Анцыфоров и с товарищами, а именно: Григорий Семенович Локшеев, Михаил Михайлович Вязмитинов, Яков Петрович Ермаков, Семен Петрович Ефимцев, Никита Григорьевич Шубин, Василий Герасимович Набоков, Дмитрий Панкратьевич Бакин, и привели с собой народу не менее 500 человек; а когда взошел Анцыфоров с товарищами в зал к генералу, то все пали на колени говоря:

— Защити, ваше сиятельство, наш город от разных и непра-

вильных поборов. Угнетают наш город присутствующие.

Сказал генерал:

— Вы, кто таковы?

— Я ото всего города поверенный.

И подает ему доверенность, и встали все. Генерал прочитал доверенность и сказал:

— Я в таком случае; насколько моих сил будет, буду защищать невинных; а предавать суду виновных.

Особливо Анцыфоров более жалобу приносил на прежде бывшего градского голову Михаила Афанасьевича Яковлева, орловского купца, что он много денег общественных истратил, а неизвестно куда.

Генерал обещался все исполнить и начал принимать прошения, ибо тут находилось изо всей почти губернии до 1000 человек. Принимал бумаги и опрашивал каждого, давно ли имеет дело. Тот отвечал: только-то лет. Не давал ли кому денег присутствующим? Тот отвечал: давал. Генерал тотчас этому человеку, который давал деньги, делает присягу. По присяге посылает к этому чиновнику, который брал деньги, чтобы он их отдал назад без суда. Тот со страстей, хотя и не брал, а всеми силами старается отдавать. Замучил этими деньгами всех, не только присутствующих, но и секретаря, и столоначальников, и писцов. Многих не присутствующих отдал под суд, а многие, раздав людям деньги, сделались бедными, да еще лишились местов. Словом сказать, во все время пребывания Мясоедова в Орле народ толпился у двора целый день, почти до 500 человек, да еще по приходе человека к присяге тот час посылает с этим человеком квартального надзирателя Прокофья Ивановича Захарова, который во все время пребывания генерала в Орле находился при нем. Этот Захаров приходит с этим человеком к тому, на которого укажет тот проситель, и приказывает ему отдать деньги, а если не отдашь, то он его везет к генералу. Тот тотчас предает его суду.

Вот по ходатайству Анцыфорова с товарищами генерал приказал в зале, состоящем при градской Думе, собрать общество и обещался быть сам на сходку

Тогда розданы были от Думы ярлыки, а Анцыфоров собрал

своих единомышленников всех, обладаял всех, что едет на собрание сам генерал, вот он нас защитит, и он нас избавит ото всех лишних налогов.

Наступил вечер и собрался народ, едва не весь город, ибо зала вся была полна. И на всходах перед залом все было полно народом, и по лестницам — народ и низ весь полон народом, и на дворе — народ, я на улице — народ. В зале по обыкновению поставлен стол и накрыт красным сукном, была на столе чернильница и песочница, и колокольчик, а в конце стола с восточной стороны были поставлены кресла, по правую руку стоял градской глава и с некоторыми людьми, первостатейными, приглашенными на собрание, а полевую сторону стояли члены городского магистрата; а на конце стоял Анцыфоров; а за ним — его единомышленные товарищи. Вот вместо генерала прибыл чиновник Михайлов.

Когда чиновник сел в кресло, тогда все с нетерпением ожидали его: на одних изображался лицах ужас, а на других — радость. Молчание в зале, как будто никого и не было, даже не кашляют и не сморкнут, а все, подняв уши, слушают. Вот чиновник Михайлов сказал громким голосом:

— Господа общество, довольны ли вы своим градским главою или нет?

Тогда все молчали. Он в другой раз сказал, и все молчали. Он в третий раз сказал да примолвил: — Что же вы молчите? Тогда Анцыфоров оборотился к своим товарищам и сказал:

— Господа, говорите, кто что знает. Тогда из середины выступил орловский мещанин Дмитрий Панкратьева Бакин, поклонился чиновнику Михайлову низко и сказал;

— Довольны, батюшка, мы своим градским головой, Он — добрый человек; коли сходке быть надобно, то он под этот день нас призовет и себе на двор и поднесет нам по рюмочке вина и скажет он: о том-то будет сходка и вы говорите вот что. А кто на сходке скажет другое, то этого сейчас за клин отправляют. Он, батюшка, добрый человек, наш градской голова.

И пошел назад. А градской голова услышал — затрепетал от страха, уставил обе руки на Бакина, ничего не говоря.

Вот он, народ, находился в молчании, вот пришел думской

секретарь Темешов и стал по правую руку стола, и держал в руках какие-то бумаги. Тогда чиновник Михайлов, возвыся голос свой, сказал:

— Господа, довольны ли вы своим секретарем? Не брал ли он с кого чего?

Тут поднялся крик: с кого деньгами, с кого гусями, с кого дрожками и разным. Так поднялся в зале этот на секретаря крик: и по лестницам кричат, и на дворе кричат, и на улице кричат. А секретарь, стоя у стола, весь изменился в лице и затрепетал. Так уже от крику ничего не слышно.

Тогда чиновник зазвонил в колокольчик, чтобы этот крик унялся, но этого колокола не слышно от крику, а крик все усиливается. Тогда чиновник Михайлов закричал изо всей силы, и то ничего не слышно. Так народ не могло унять ни звук колокола, ни голос чиновника. Посмотря на народ, тотчас отправился чиновник к генералу и донес, что город весь находится обиженным. Анцыфоров требовал от генерала прощением, чтобы он дозволил Думу счесть.

Тогда по повелению генерала потребованы из Думы книги. На квартиру к чиновнику Михайлову на другой день было книг доставлено 3 воза. Тогда были определены Анцыфоровым счетчики считать Думу, а именно, счетчики, орловские мещане: Григорий Семенович Локтев, Михаил Михайлович Вязмитинов, Яков Петрович Ермаков, Семен Петрович Ефимцев, Никита Григорьевич Тубин, Василий Герасимович Набоков. Эти господа счетчики сели считать в доме чиновника Михайлова и начали первоначально считать прежнего голову Михаила Афанасьевича Яковлева, ибо он был 6 лет градским головой, а насчитали за него одних рекрутских денег 55 тысяч.

Первоначально оный Яковлев сделал записательство, которая сумма ему, Яковлеву, отдана была Анцыфоровым и с товарищами на законную присягу. Тогда присяга была назначена в церкви Василия великого. Напротив двора головы Яковлева в назначенный день собралось народу множество, куда пожаловал Алексей Матвеевич Анцыфоров с товарищами и чиновник Михайлов. Когда священник отец Илия поставил налой и положил крест и евангелие, а народу находилось мно-

жество, словом сказать, полна церковь, друг друга теснили. Вдруг по церкви народ заговорил:

— Вот ведут! Вот ведут! Вот он идет!

Даже и вслух осыпали тысячами ругательств.

По приведении его, Яковлева, в церкви, когда он увидел бесчисленное множество народа и услышал укоризны, особенно начала его мучить совесть от страха, затрепетал, подхватила его дрожь, застучали у него зубы; а после кинулся в жар, едва проговорил:

— Дайте воды! Я теперь не могу крестного целования дать. Я не здоров.

И так вышел из церкви.

А на другой день собралось еще больше народа.

По приведении его, Яковлева, в церковь, услышал он от многих людей разные неистовые слова. Вторично в нем сделалось трясение, и вторично он отказался до другого дня.

Вот настал третий день.

Вот опять народа собралось множество. С нетерпением ожидают конца.

Вот он и пожаловал в третий раз, уже несколько посмелее. Когда он был поставлен прямо креста и евангелия и окружен был множеством народа, когда он читал сам клятвенное обещание и едва со страха и совести выговаривал слова, священник отец Илия уговаривал его. Однако ничего не помогло: он, Яковлев, в великом страхе и ужасе сделал целование креста и евангелия, потом при разных ругательствах вышел из церкви и отправился ко двору.

Вскоре затем последовал суд божий над Яковлевым, вскоре после этого случая заболел и отправился на вечный покой.

Но генерал Мясоедов, не окончив своего дела, выехал из города и приказал считать Думу без себя.

Градской глава Верижников отдан был под суд вместе с секретарем. Тогда заступил его место Дмитрий Федорович Русанов. Человек он был острый и гордый, и распустил в городе слух, что все, которые Анцыфорову подписали доверенность, тех накажут плетьюми и сошлют на поселенье. Тут тотчас все отперлись... Этого Анцыфорова якобы за лживый поступок

посадили в острог и едва он выбрался оттуда с помощью Александра Никитича Анцыфорова.

В 1808 году июня 10 в 10 часов утра зашла туча сильная, от полудня гром от конца тучи и до конца бесперерывный и молния бесконечная; и поднялась сильная буря, то есть ветер множество завалил заборов, ломал деревья, срывал крыши и по садам делал великое опустошение. Потом при сильном дожде пошел сильно град величиною с куриное яйцо и более. Есть имения, где эта туча злая все делала пусто. Все лежащие в городе стекла были побиты, все побило градом.

1812 год не только бедственный для города Орла, а для всей России. Когда слух до Орла дошел, что Наполеон вступил в Россию, взял город Красный и приступил к Смоленску, тогда жители города Орла погрузились в отчаяние. Торговля прекратилась. Всякий помышлял о спасении своем. Богатые люди затрепетали от страха и бедных привели в отчаяние. Разные и нелепые слухи поражали всякого жителя.

Тут вдруг начали вывозить из Брянска с казенного пушечного завода материалы, как-то: старые пленные пушки, мортиры, бомбы, ядра, разные меде. Подвод каждый день тысяча переезжают в два-три порядка по Карачевской улице. Жители оцепенели от страха.

Тут начали привозить хлеб, но богатые его не покупают, а деньги берегут и помышляют о спасении своем, и некоторые начали имущество свое накладывать на возы, дабы в случае скорее выехать из Орла. А бедные люди начали торопиться, начали имущество продавать, да никто его не покупает. За сто-рублевую вещь не дают и десяти рублей.

Тут и из деревень навезли хлеба, тоже и деревенские уобоялись, дабы у них хлеб не пропал. Что у кого есть, было свезено в город, но никто не покупает, кроме своего нужного пропитания.

Один только выискался купец Иван Васильевич Зекеев. Тот на власть божию, на счастье свое начал ссыпать хлеб и покупать мед по цене: мед — руб. за пуд, конопля — руб. за четверть, рожь — за 2 четверти. А по прошествии Наполеона дорого тут хватились за хлеб и за мед. Мед сделался

20 р., рожь — 25, конопля — 15 р. Да никто не продавал хлеба, всякому зандобился.

Вот обозы мало помалу из Брянска прекратились. Пошли башкирские полки. Более недели шли, день и ночь из Брянска. Такой страх напал на людей. Ходят по городу, как изумленные. Это случилось в первых числах августа. В садах все поспели плоды. И растворили сады и дома, и все ходили и рвали, и ели по садам, как свое. Тут началось с другой, Кромской дороги; пошла из Турции армия. Тут некоторых везли на подводах, а которые так шли. Шла армия более недели тут-то шли донские казаки, шло донское поголовное ополчение. Были такие старики годов по шестьдесят. Бедные, которые имели семейство и малолетних детей, те каждодневно ужас наводили на жителей. Плакали, как по умершим, ибо денег нет, идти из города нечем.

...В зале по принесении листа открылся бал, на который было приглашено духовенство и дворянство, и купечество, и мещанство; и продолжалось до самой ночи.

О фармазонах

1770 года в городе Орле завелась секта фармазонов⁹⁰, в которой участвовали чиновники города, как вице-губернатор и Мацнев Николай Тихонович, ибо он был в те поры губернским прокурором. И построили себе они обществом молитвенный дом. Строитель этого дома был подрядчик Семен Савич Малыгин, орловский купец. Дом этот был построен, где теперь в 3-й части новый собор и губернаторский дом⁹¹, в промежутках. Рассказывал строитель этого дома, купец Семен Савич Малыгин, он был построен большой двухэтажный, каменный. Нижний этаж находился весь в земле и разделялся на три комнаты. Первая комната находилась прихожая, вторая и третья — моленные. Во второй комнате ничего не было, а только была она выштукатурена, покрашена голубою краскою. Вторая настоящая комната окрашена была зеленою краскою и обита черным сукном. В этой комнате в углу самом

к полуденной стороне была выкопана яма глубиною 10 аршин и сверху этой комнаты, напротив этой ямы, находился блок. Эта яма была выкладена камнем и имела эта яма длины 4 аршина и ширины полтора аршина. И был у них сделан столярный гроб, обит черным бархатом, и в гробе был положен скелет или состав человеческих костей. А сказывал Малыгин, что якобы кто приходил к ним в их веру, и они его принимали, и на гробе его клали, в яму эту на веревках опускали. А для чего, не знал, а только в этой же комнате были портреты всех тех людей, которые в сей секте находились. Об этом скопище узнала великая императрица Екатерина Алексеевна и прислала она сюда чиновника с открытым белым листом только за подписью своей руки, который по приезде в город Орел тот час сам третий являлся к каждому лицу и отводил в особые комнаты, и показывал императрицы послание. Потом своим двум человекам, которые за ним ходили, приказывал каждого драть в кнутья. Отодрав, пускал на волю в том же чину. Ежели он паче чаяния узнан будет опять в этой вере другой раз, тогда уже будет лишен чинов и дворянства и сослан в Сибирь. И так погигло, ибо их соборный дом по повелению этого чиновника сей час был разломан весь до основания и превращен в кучку камня. И так прекратилась эта секта.

Открытие губернии в городе Орле в 1779 году

Открывали губернию Александр Васильевич Репнин, орловский наместник, и Александр Андреевич Беклешов.

Генваря 10-го.

В зимнее время было торжество. Торжествовал народ открытие. На льду на реке, повыше очного моста сажен 10, сделан был род амвона, возвышенное место: на нем стоял бык, золотые рога. Быка того убили и кожу с него сняли, с головы кожи не снимали, и головы не отрезали, А когда мясо из кожи вынули, тогда в кожу начинили вместо мяса гусями, поросятами, индейками и курами и опять зашили, и поставили этого быка на это возвышенное место, и тем, кто быку оторвет голову,

тому 25 руб. награждение...

В тот же день в церкви Покрова пречистой Богородицы отслужена была литургия при многом стечении народа и разных чинов дворянства, и губернатор был первоначально Александр Васильевич Гревс. По окончании обедни отправились все на лед торжествовать. Тогда был приказ отдан выстрелить из 6 орудий залпом⁹², которые стояли на левом берегу реки Оки, где теперь в мясных рядах проулок. А стреляли на реку. В то время пошел по всему городу колокольный звон, закричали «ура!» и принялись за быка; всякий желал оторвать быку голову, себе получить 25 р. Тут я вились силачи попеременно. Наконец, оторвал быку голову орловский мещанин Василий Федорович Чепурин и получил себе 25 р. А по оторвании головы, с быка сорвали кожу и расхватали дичь всю. Начали пить вино, ибо тут на этот случай были расставлены подрезы, и это гулянье продолжалось до самой глубокой ночи. И на том же месте от вина до 5 человек померло.

Первый губернатор был Александр Васильевич Гревс, а после его поступил Семен Александрович Неплюев, а наместник Александр Беклешов, а первый градской глава Панкрат Дмитриевич Кочетов⁹³.

О губернаторе Николае Ивановиче Шредере, преобразователе города Орла

В 1821 г. поступил этот наш благодетель к нам губернатором, Николай Иванович Шредер незабвенный. По вступлению его к нам в должность принял бразды правления города настоящий хозяин. Он пекся о городе все равно хотя бы пекся отец о своих детях.

Вначале издал он афишки по всему городу как полиции, так и по свежим домам, и по жителям, за подписью господина полицмейстера Егора Борисовича Самсонова, человека острого разума и обхождения смиренного; и расторопного во всех делах. Афишки были следующего содержания. Первое, чтобы в домах, кои на больших улицах, стекол разбитых не было. Этких афи-

шек особливо летом крайне много было. Второе, чтобы трубы были починены и выбелены, а то много худых было прежде. Третье, чтобы бревен и досок, и камней напротив домов не было складенных. А прежде столько на улице этого лесу и камней накладывают, что с трудом можно было пройти и проехать. Четвертое: в летнее время чтобы в каждом доме была на дворе кадушка с водой для пожарного случая. Пятое, чтобы по улицам коров и свиней отнюдь не пускали, а прежде его эти свиньи все канавы в городе взроют. И так далее. Тут об этом знают частные приставы и квартальные надзиратели, и десятские, словом! все жители, всякий знает, что надо сделать.

Он первый находящуюся в городе мостовую, одну середину мощенную, велел, чтобы мостили во всю улицу.

От начала города не было у нас и слуха о тротуарах. Он все это учредил на губернском правлении по полиции. И в первой части каланчи построил для осмотра пожаров, о чем у нас совсем не было и слуха.

Он приказал все дома не только богатые, но и бедные обивать с улицы тесом, красить краскою, кто какую пожелает, что у нас от начала города было в презрении. Так по его приказу все исполняли, что всякий житель помостил мостовую и тротуар, обил тесом хоромы, и выкрасил краскою крыши и забор, и смотрит: новый дом, и дивится на строение.

О перевезении тела покойного государя императора Александра

Под главным надзором генерала адъютанта графа Орлова в 1826 г. января 21 дня было везено тело покойного государя императора Александра Павловича из Таганрога через город Орел в Санкт-Петербург. Когда наступил назначенный день, тогда утром рано, а именно, в 7 часов утра, его преосвященство Гавриил, епископ Орловский и Севский, с двумя архимандритами изо всех 12 городов, словом сказать со всей епархии вызваны были игумены и все протопопы, изо всего города священники, одних священников 250 человек, отправились

в церковь Рождества пресвятой Богородицы⁹⁴, что возле курской заставы. Изо всех присутственных мест присутствующие — туда же под предводительством самого гражданского губернатора Петра Александровича Сонцова и почтенное дворянство, и купечество, и, словом сказать, всего города жители, и приезжие из разных городов, сел и деревень — все вышли к заставе, а его преосвященство... останавливал возле каждой церкви и совершал малую литию.

1831 г. была в городе Орле болезнь — холера, а началась в июне 26 и продолжалась 54 дня; и померло всего народа обоего пола до 500 человек, в том числе пять священников.

1834 года августа 17 прибыла в город Орел из Москвы великая княгиня Елена Павловна в 11 часов вечера. Улицы были отлично иллюминированы. Квартировала возле Борисоглебского собора⁹⁵, в доме советника Шумтомского. А 18 числа утром изволила быть в Борисоглебском соборе, где была встречена преосвященным епископом Никодимом с духовенством, где изволила приложиться к кресту. По выслушании многолетия изволила из собора отправиться в дальнейший путь по Курской дороге...

1837 г. августа 18 в 7 часов вечера прибыл к нам в город Орел проездом путешествия своего по России наследник престола великий князь Александр Николаевич, изволил остановиться в доме гражданского губернатора⁹⁶. 13 числа отправился великий князь в Борисоглебский собор, где был встречен его преосвященством Никодимом, епископом с духовенством при многостечении обоего пола народа и при восклицании «Ура!» Его высочество изволил приложиться к кресту и по выслушании молебствия всему августейшему дому потом изволил отправиться из собора на закладку кадетского корпуса, который был заложен 19 числа в 8 часов. Потом отправился в городскую выставку, где изволил осматривать изделия и растения. Потом отправился в благородный пансион⁹⁶ а, в тюремный замок. Во дворце принимал чины, а в вечеру дан был дворянством бал. Его высочество отправился из города Орла благополучно по тракту на Курск и оставить изволил 5000 р. для раздачи бедным людям. Да во время его приезда на Сухой Орлице вы-

горела слобода, 36 дворов, то государь наследник погорельцам пожертвовал 2000 р.

1833 г. ноября 1-го с 1-го часа пополуночи и до самого света сыпались с неба звезды непрерывно великими миллионами, даже на некоторых наводили ужас не только в одном городе Орле, но даже по всей почти России. Народ думал, что уже приближалась кончина света.

В1825 г. была комета небольшая, имела хвост небольшой, к низу; ход ее был от востока на запад, и при вечере осенью во всякое время больше находилась на полуденной стороне; и продолжалось не более трех месяцев. Потом и не видно совсем стало.

В том же году последовала кончина императора Александра I в Таганроге.

Путешествие его величества государя императора Александра Павловича в 1823 г.

Сентября 3 в 12 часов пополудни государь император Александр Павлович в сопровождении графа Аракчеева, начальника главного штаба генерал-адъютанта Дибича прибыл в город Орел. При въезде в оном остановился в Покровской слободе, в доме однодворца Надеждина и ознаменовал кратковременное пребывание у сего поселянина благоволением, и пожаловал ему бриллиантовый перстень, и семейству его 1000 р.

Несмотря на позднее время ночи, народ толпился во множестве по тем улицам, где государь император изволил ехать. У шлагбаума его императорское величество был встречен полицмейстером и сопровожден в Михаило-Архангельскую церковь, где встречен преосвященным Гавриилом, епископом, при многочисленном собрании духовенства, гражданских чиновников, почтенных дворян и купечества, и приветствовал он монарха речью. По выслушании речи, приложась ко святым иконам, государь император отправиться изволил в свою квартиру, приготовленную в казенном губернаторском доме. Принял от собравшихся военнопачальников поздравления,

а от гражданского губернатора о благосостоянии губернии рапорт, изволил отозваться довольным насчет устройства дороги. На другой день; то есть 4 числа в 9 часов утра, его императорское величество изволил присутствовать на специальном смотре войск, и на все время маневров, и по окончании смотра и по возвращении в квартиру имели счастье представиться его величеству председатель хозяйственного департамента Государственного Совета действительный тайный советник князь Куракин, генералитет и военные, чиновники, его преосвященство со избранным духовенством, вслед за сим гражданский губернатор имел приватную аудиенцию и представил его величеству губернских, гражданских чиновников, дворянство и депутатов от всех городов, купечество с хлебом о солью. Все были приняты с знаками особенного монаршего благоволения.

5 числа в день тезоименства ее императорского величества государыни и императрицы Елизаветы Алексеевны, государь император слушал божественную литургию в Борисоглебском соборе. По окончании оной изволил отправиться на маневры. Оттуда имели счастье быть приглашены к обеденному столу его императорского величества все господа генералы, преосвященный Гавриил, действительный тайный советник Теплов, гражданский губернатор Шредер, вице-губернатор Храповицкий, губернский предводитель Милорадович, генерал-майор Страхов, прибывший сюда курский губернатор Кожухов. Того же числа вечером дан был бал дворянством в новом построенном каменном доме Дворянского собрания⁹⁸. Изволил бал открыть с тайною советницей Тепловой и пробыл на бале час и три четверти. 6 числа изволил его величество во второй раз присутствовать на маневрах, начавшихся у самого города, кончившихся в 6 верстах от одного, в деревне, называемой Александровка⁹⁹, где в доме помещика Похзеснева, переодевшись пожаловал хозяйке фермуар в тысячу рублей. Потом изволил принять данный господами генералами обед в построенной близ означенной деревни галерее, украшенной с особенным искусством и приличием воинскими доспехами, оружием.

И вся армия, заключающая в себе более 43 тысяч, в виду

его величества была угощаема депутатами от граждан всех городов Орловской губернии завтраком, а потом, по предложению господина главнокомандующего графа Сакена, пито было за здоровье всех россиянок при радостных восклицаниях.

По возвращении в город государь император в сопровождении господина гражданского губернатора осматривать изволил пожарную команду, тюремный замок и заведения приказа общественного презрения. Сам изволил отвесть на кухне приготовленную для больных пищу, посещал дом умалишенных, приказал одному из них, бывшему придворным музыкантом, выдать 100 р.

7 числа пополудни изволил верхом в сопровождении всего генералитета и при стечении обоего пола народа прибыть в лагерь гренадерского корпуса, изъявил высочайшее свое благоволение господину командующему корпусом князю Шеховскому и всем генералам, и полковым командирам, после сего, сядясь в коляску, в самых благосклонных выражениях свое выразил удовольствие гражданскому губернатору и находящемуся там орловскому градскому главе Федору Михайловичу Митину с депутатами от купечества, от купечеств уездных городов объявил высокомонаршую благодарность за угощения.

Изволил отправиться в дальнейший путь на Карачев и Брянск.

Во все дни пребывания его императорского величества в Орле город по вечерам отлично был иллюминирован, не говоря о многих домах, коих искусное богатое освещение обращало на себя внимание зрителей. В особенности приятное и величественное для глаз зрелище представляла нарочно на 74 сажнях колоннада против дома, занимаемого государем императором, посредине которой видно было вензелевое имя монарха в лучезарном сиянии. Над земным глобусом, построенным между колонн, поставлены были в большом виде гербы всех губерний. Приятная и теплая погода незабвенному торжеству сему во все время присутствия его величества составляла блестящее празднество восхищенного народа. Недоставало ко оному господина Орловской губернии генерал-губернатора Балашова, который по причине смерти супруги находился

в Рязани.

В 1818 г. проездом из Киева в Санкт-Петербург изволил проезжать великий князь Михаил Павлович.

Путешествие его императорского величества государя императора Николая Павловича по России

В 1834 г. сентября 4, то есть во вторник в вечеру, а именно в 6 часов, прибыл в город Орел его императорское величество государь император Николай Павлович¹⁰⁰, изволил приехать прямо во дворец. 5 сентября изволил отправиться в Борисоглебский собор, где встречен был его преосвященством Никодимом, епископом, со всем духовенством и при многостечении обоего пола народа. Его императорское величество по выслушании многолетия всему августейшему дому приложился ко кресту. Епископ окропил его святою водою. Потом государь император в сопровождении генералитета и всего народа отправился из собора в поле для осмотра войск, ибо войска были собраны уже в поле... Там весь 3-го резерва кавалерийский драгунский корпус находился.

Государь император изволил делать специальный смотр войскам и остался совершенно в удовольствии. Потом изволил прибыть во дворец. По прибытии во дворец изволил принимать генералитет и полковых командиров, потом гражданский губернатор Аркадий Васильевич Кочубей представлял чины, потом градской глава Иван Иванович Репин с обществом изволил поднести хлеб и соль. В совершенном удовольствии 6-го государь император изволил делать смотр 1-й дивизии и маневрам за Половцем, 7-го государь император изволил делать смотр и маневры 2-й дивизии и остался ими доволен. Потом в сопровождении господина гражданского губернатора Кочубея изволил осматривать тюремный замок и заведения, и приказ общественного презрения, дом умалишенных — нашел в совершенном удовольствии, 3-го числа, то есть на Рождества пречистой богородицы, изволил сделать развод, а в вечеру дан был бал дворянством.

9 числа государь император изволил всему кавалерийскому корпусу сделать маневры, которые начались у самого города и кончились на Царевом броде, перейдя Орлик на понтонных мостах. Понтонные мосты были наведены в самое короткое время повыше Царева брода, и сам государь император изволил перейти через понтонные мосты. Здесь и кончились маневры. Государь император изволил ездить с господином губернатором в коляске по главным улицам города и остался совершенно доволен. В 3 часа пополудни изволил отправиться из города благополучно по тракту на Болхов.

Во время пребывания государя императора в Орле город был иллюминирован каждодневно и угощали воинов каждодневно по чарке вина и по фунту говядины и сверх того перепарили весь корпус в бане Бориса Васильева.

А это осьмого октября получили от государя императора благоволение следующего содержания:

Орловскому гражданскому губернатору

По высочайшему повелению Орловскому купечеству монаршее благоволение

Государь император, обратя всемилютейшее внимание на похвальный поступок орловского купечества, производившего выдачу во время пребывания его величества в Орле каждодневно на каждого человека нижних чинов 3-го резерва кавалерийского корпуса по чарке вина и по фунту говядины и сверх того открывшего им безденежно вход в баню, высочайше повелеть соизволил адъютанту графу Бенкендорфу снести ко мне о распоряжении с моей стороны изъявления орловскому купечеству за означенное усердие высочайшего повеления. Уведомляю, Ваше превосходительство, я прошу Вас сделать зависящее с Вашей стороны распоряжение объявления орловскому купечеству благословения его императорского величества с последующем мне донесении.

Министр внутренних дел

Статс-секретарь
Директор

Прибытие в город Орел его императорского величества государя императора Николая Павловича

В 1835 г. октября 23 в 11 часов вечера в самую грязную и ненастную погоду только был на Курской заставе встречен господином полицмейстером Дурново, который проводил его императорское величество во дворец. 24 числа утром представились к государю императору гражданский губернатор Кочубей и дворянский предводитель Шереметьев, Государь император через адъютанта графа Бенкендорфа отвечал: государь император нынешний день чинов не принимал и балов не дает по случаю годовщины матери своей, государыни императрицы Марии Федоровны.

Потом изволил посетить... изволил служить панихиду. После обеда государь император изволил ходить пешком в тюремный замок и в заведения.

25 числа утром в 10 государь император изволил отправиться на смотр драгунской дивизии, которая была собрана за городом на Московской дороге. Государь император изволил сделать смотр войскам и маневры. Кончились в городе, у Московской заставы, где государь император изволил принять от купечества и общества хлеб и соль, потом изволил сесть в коляску и отправился по тракту на Москву.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Незадолго до 400-летия Орла, торжественно отмеченного в 1966 году открытием памятника и принятием письма к потомкам, было окончательно установлено, что город заложили в 1566 году. Широко известной стала выписка из Дополнений к Никоновской летописи 7074–7075 (1565–1566) годов, где отмечалось, что в сентябре 1566 года было в Можайске «лихое поветрие», от чего люди умирали, что «того же лета Октября в 20 день, с понедельника на вторник было обновление месяца» и еще «того же лета повелением государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси поставлен бысть город, на поли на реке Орлее» (см: Н. Чернов. «О дате основания города Орла», — Орл. правда, 1960, 6 февраля).

Слова летописца дополнял рисунок: люди с топорами в руках на берегу реки возводят стены и башни крепости.

О времени и причинах возникновения города обстоятельно рассказано в книге С. И. Федорова «Орел» (М., 1969).

«Истоки неточных сведений о возникновении Орла, — читаем у Федорова, — восходят к концу XVIII в., когда вышла в свет «Древняя Российская Библиофила». Ее издатели при упоминании об Орле ошибочно перевели 7075 г. как 1565 г., и отнесли к 1565 г. события, происшедшие в 1567 г.: «Разряды 1565 году. Роспись по Украйным городам Воеводам... На Орле воевода князь Василей Ростовской, да Володимер Безобразов».

События, связанные с основанием Орла, относил к 1566 году в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин.

«Город возник, — продолжает Федоров, — в тяжелое для нашей Родины время, когда молодое Русское государство отстаивало независимость. С запада угрожали Польша, Литва и Швеция, с востока — татары Казанского ханства, с юга — крымские татары».

«Книга Большому чертежу», составленная в 1627 году, позволяет точнее определять расположение города, что «стоял

на реке Оке, на устье реки Орла».

2. Еще П. И. Якушкин в «Путевых письмах» поправлял Д. И. Басова. В Орел вошел Лжедмитрий I в мае 1605 года. «С Орла, — говорится в «Разрядных записях за смутное время (7113–7121)» С. А. Белокурова (М., 1907), — отпустил воевод перед собою: в Серпухов послал боярина Петра Басманова да князя Алексея Григорьева сына Долгорукова».

Вступлению Лжедмитрия I в Орел предшествовал переход на его сторону царских войск в Кромах, где местные жители и казаки, засев в земляной крепости под командой Андрея Карелы, выдержали долгую осаду. Подробно об этом — в книге «Историческое описание г. Кром Орловской губернии» Г. М. Пяецкого (Кромы, 1898).

3. Иван Болотников разбил царское войско под Кромами и был встречен в Орле в 1606 году. «И под Кромами у воевод с воровскими людьми был бой, и из Путивля пришел Ивашко Болотников да Юшка Беззубцов со многими Северскими людьми и с казаки прошли на проход в Кромы... И воеводы княз Юрьи Никитич с товарищи ис под Кром отошли на Орел.» (С. А. Белкуров, «Разрядные записи...»).

4. С декабря 1607 года по май 1603-го Орел был резиденцией Лжедмитрия II. В Орле была попытка убить самозванца. Под конец его пребывания в Орле город загорелся. В «Исторических очерках города Орла» Г. М. Пяецкого об этом так сказано: «Между тем царь Василий Иванович Шуйский приготовил в Болхове большую рать под предводительством родного брата своего Димитрия, Лжедмитрий готовился к битве и приказал полкам Рожинского придти в Орел: но в самый их приход в Орле сделался большой пожар, загорелся даже и тот дом, где жил самозванец. Вместо того, чтобы тушить пожар, вор бросил город и бежал в ставку Рожинского, который расположился за городом. Здесь ему дали знать, что Димитрий Шуйский готовится напасть на Орел. Лжедмитрий не стал дожидаться, и со всем своим войском двинулся из Орла к Болхову; он перешел Орлик в трех верстах от р. Орла, на Царевом Броду»: (с. 61).

Другой пожар описал С. Л. Беляков в книге «Орел» (Орел,

1939): «Однажды банда Запрройского ворвалась в город и учинила дикую расправу над мирными жителями. Налетчики не щадили ни детей, ни женщин, ни стариков. Они убивали, жгли, громили, они неистовали, как взбесившиеся звери. Случилось это в 1612 году» (с. 17). «В 1612 году, — добавим из Пясецкого, — город Орел представлял из себя печальные развалины» («Ист. очерки города Орла», с. 63).

5. Из Пясецкого: «Пожарский погнался за Лисовским, чтобы раньше его прихода занять Орловское городище, и утром в воскресенье настиг его под самым Орлом. Здесь верстах в трех от города Орла, у речки Орлицы, впадающей в Орлик, на так называемом — Царевом Броду произошла битва. У Лисовского было всего 3000 человек, а у Пожарского до 7000; но его войско не было сосредоточено. Начальствовавший передовым Московским отрядом Иван Гаврилович Пушкин первый напал на Лисовчиков, но не выдержал их дружного натиска и показал тыл; за ним обратился в бегство с ратными людьми и товарищ Пожарского, воевода Степан Иванович Исленьев с дьяком Семеном Заборовским. Теперь с Пожарским осталось всего, 600 человек. Лисовчики бросились на него со всех сторон, но Пожарский не тронулся с места; он обгородился телегами, засел в небольшом своем обозе и до самого вечера храбро отбивался от сильнейшего себя в пять раз неприятеля. Ночь прекратила битву. Оказалось, что многие из Литовцев были побиты, несколько человек взято в плен, захвачены были знамена и литавры» (с.65), Упомянуто Пясецким «предание», что рядом с Пожарским был Минин. Целую главу битве посвятил в своей книге об Орле С. Л. Беляков. «Орловский бой», как назвал битву у Царева Брода «Новый летописец», состоялся в 1615 году.

В 1635–1636 годах шло восстановление Орловской крепости. Был построен, как утверждает «Летопись города Орла» (Тула, 1980), малый острожек, огороженный обитыми тесом бревнами в 3 сажени высотой, на стены вели лестницы, к реке Орлу из малого острожка был вырыт тайный ход. Большой острог был огорожен «стоячей дубовой стеной по мере 429 сажень». На одной из башен висел колокол в 11 пудов, «окола

всего города надолбы поделали в три длины», как доносил царю воевода Борис Колтовский.

Об остатках земляного вала писали в своих «Путешественных записках...» Василий Зуев, проезжавший через Орел в июле 1781 года, и В. Ф. Зябловский в «Землеописании Российской империи для всех сословий» (1810).

Русские войска под командованием Петра Первого подошли к Полтаве в конце мая 1709 года. Эпизод с малиной придает сообщению Басова достоинства предания. В то же время известно, что Петр бывал в Болхове в юные годы, и в Брянске в зрелые. Мог он в это время и навестить Орел. Уместно будет упомянуть Указ Петра 1721 года об отправлении в Орловскую провинцию косарей для обучения крестьян убирать хлеб косами. В 1724 году в Орел поступил Указ царя, предписывавший предоставить в Сенат историю и географическое описание города. Указ о косарях опубликован в третьем выпуске «Трудов Орловской ученой архивной комиссии» за 1892 год.

На месте Монастырской рощи из дубов, лип и берез ныне красуются застроенные многоэтажными домами улицы Горького, 8 Марта и другие.

10. «Первая часть города, — писал Пясецкий, — соединялась с третьею посредством двух мельничных плотин на р. Орлике. Из этих двух мельниц нижняя, которая находилась подле Богоявленской Церкви, существовала до пятидесятих годов настоящего столетия, а верхняя, что против Архангельской церкви, существует доселе» (с. 93).

Первая часть — нынешний Заводской район, вторая — Железнодорожный, третья — Советский. Архангельская церковь — Михайлоархангельская, памятник архитектуры 1801 года на правом берегу Орлика. Церковь Богоявления — близ Торговых рядов, памятник XVIII века. Здесь, по преданию, рос дуб, с которого в небо взвился орел, давший имя городу.

11. «В этой части города, — читаем у Пясецкого, — еще до времен Петра Первого, находились две церкви: св. великомученика Георгия и св. Афанасия и Кирилла Александрийских; обе деревянные. Первая находилась там, где стоит теперь

Сретенская церковь, по имени ее и гора, на которой она стояла, называлась никогда Егорьевскою. А церковь св. Афанасия и Кирилла стояла на месте нынешней Введенской церкви. Обе они, как можно думать, сгорели во время большого пожара, бывшего в 1673 году июня 25 дня. Скоро потом на место деревянной Георгиевской церкви построена была каменная церковь того же имени, но при расширении ее, между 1734 и 1736 годами, главный престол ее утвержден во имя Сретения Господня; впрочем эта церковь и по настоящее время более известна в городе под именем Георгиевской (с. 94). Ныне на бывшей Егорьевской горе высится кинотеатр «Победа». От типографии «Труд» начинается улица 7 Ноября (бывшая Введенская, где в конце XVII века был Введенский девичий монастырь). Кроме Егорьевской горы, были еще Ямская и Ввозная (ныне там городской парк).

Никитская или Ахтырская церковь — памятник архитектуры 1773 года. Ныне действующая, в конце улицы 4-я Курская. Упомянута в «Грабеже» Н. С. Лескова.

Новосильская улица — ныне улица Пушкина.

Нижняя улица — ныне улица Советская.

Плаутин колодезь, упомянутый в «Грабеже» Лескова, находился на улице Степана Разина (бывший Плаутинский переулок).

«Покровская, — читаем в «Истории Орловской епархии» Г. М. Пясецкого, — в Драгунской же слободе, находившаяся, по преданию, на Нижней улице, где Плаутин колодезь... Когда Пятницкая церковь была перемещена на новое место, тогда и Покровская построилась близ нее каменным зданием» (с. 257). Старожилы в 1852 году говорили, что храм был построен «около полутора ста лет», вместо деревянного, сгоревшего в пожаре.

Пятницкая церковь находилась на правом берегу Оки, в Драгунской слободе. Ей принадлежала земля, по словам Пясецкого, «подле большой дороги в Курски потока Половца». «Впоследствии, вместо деревянной Пятницкой церкви, построена была, на новом месте, каменная церковь во имя Преображения Господня, с Пятницким пределом. Это была

холодная и маленькая церковь...» («Ист. Орл. епарх., с. 256).

Петропавловский собор находился на месте нынешней областной библиотеки имени Н. К. Крупской. В 1897 году, к его 100-летию, в Орле был напечатан «Исторический очерк Орловского Петропавловского Кафедрального Собора» Г. М. Пясецкого. Был взорван накануне Великой Отечественной войны.

Ильинская площадь перестала существовать 1 мая 1920 года, когда здесь был разбит Первомайский сквер, переименованный в августе 1943 года в сквер Танкистов. «Ильинка» была торговым местом в прошлом веке, а ранее — местом наказаний; по преданию, здесь пороли героиню повести Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда», вернее — женщину, ставшую прототипом Катерины Измайловой.

На месте городского магистрата — театр юного зрителя, бывшее здание драмтеатра им. И. С. Тургенева. До 1917 года здесь была городская Дума.

Церковь Михаила Архангела — памятник 1801 года на берегу Орлика.

Орлик — река Орел, или Орель (в «Дополнениях к Никоновской летописи» говорится: «на реке Орлее». Может, все-таки: «на реке Орле»?).

«Ратман — член городского совета или думы при существовании ратуш» («Энциклопедический словарь» Ф. Павленкова. — СПб., 1913).

«Никола на Песках» — это Николопесковская церковь с колокольней 1790 года — памятник архитектуры на улице Нормандия-Неман.

25. Полесская площадь (до 1855 г.) территория бывшего стадиона «Трудовые резервы» и место, занимаемое Домом литпросвещения и жилыми домами, прилегающими к нему,

В бывшем здании Орловской мужской гимназии ныне размещается профтехучилище им. В. А. Русанова. Мемориальная доска утверждает, что здесь учились полярник В. А. Русанов, писатели Н. С. Лесков, П. И. Якушкин и Л. Н. Андреев, художник Мясоедов, физик К. Д. Краевич и другие замечательные земляки. Добавим: поэты Петр Потемкин и Николай Браун,

историк Н. Г. Устрялов. Другая доска украшена именем попечителя гимназии декабриста С. И. Кривцова, похороненного у села Фандеево (бывшее Тимофеевское), Орловского района, по дороге на Болхов. Здание строилось в 1794 году. (Губернский архитектор Фома Иванович Петонди, выходец из Италии, как предполагают участвовал в проектировании Сабуровской крепости). В 1812 году в здании был госпиталь.

С 1647 года, как утверждает «Летопись города Орла», «Орел становится центром хлебной торговли». В 1652 году орловский пушкарь Кондратий Марков, как и «приезжие торговые люди» отправлял из Орла на стругах хлеб и ввозил соль. Торговал хлебом и стрелец Яков Суслов. Через сто лет хлеб из Орла шел не только в Москву через Калугу, но и в Петербург и Ригу. Роль орловской пристани, откуда по весне начиналось судоходство, хорошо освещена на страницах «Орловских губернских ведомостей» 1860 года.

Церковь Георгия — это Георгиевская церковь на Болховской улице, на бывшей Егорьевской горе, о чем говорилось выше.

Рыбные ряды потом стали Гостинными, ныне — четная сторона улицы Московской (против Торговых рядов). Старинное торговое место, возникшее на территории Орловской крепости. Выгорало и застраивалось вновь. Память о последних пожарах прошлого века осталась в надписи на стене под штукатуркой.

Городской питейный дом, по некоторым сведениям был на Болховской, против церкви Георгия.

Полиция появилась в Орле по приказу генерал-губернатора Н. В. Репнина почти одновременно с учреждением губернии. До этого люди сами дежурили в будках по очереди.

Первый пожар был 25 июня 1673 года, когда выгорел большой острог. (Мы не считаем пожары Смутного времени). В августе 1685 года вновь вспыхнул пожар. Пушкарки писали в челобитной, что «все они погорели без остатку». В ночь с 3 на 4 ноября 1794 года выгорел мужской монастырь. В 1847–1848 годах люди спали одетыми, так как, примерно, через 7–10 дней бушевало пламя. 21 июня 1841 года пожар

на Болховской при сильном ветре охватил Дворянское собрание, театр, перекинулся на Присутственные места и Борисоглебский собор. Верх Болховской сгорел. Нижняя часть улицы исчезла в огне в ночь на 1 июня 1843 года. Пожар захватил Введенскую и Садовую, добрался до женского монастыря, казенной палаты врачебной управы, рекрутского присутствия и других учреждений.

17 июня 1844 года пламя пожирало дома и склады пристани. В ночь на 30 апреля 1847 года за два часа сгорели Гостинные ряды (155 торговых помещений), убыток — до четырех миллионов рублей.

Крупнейшим был пожар 26 мая 1848 года. Началось на Бодискиной горе. Сильный ветер, перейдя в бурю, расширил пламя до двух верст, перенес через Оку и до самой окраины все исчезло в огне. Сгорело 1337 домов, на пристани — 80000 четвертей хлеба, 100000 пудов пеньки. Убыток — свыше трех с половиной миллионов рублей. 18 сентября 1858 года сгорело свыше 600 домов между Николо-Песковской церковью и зданием городской Думы. 10 августа 1863 года выгорело все от Ильинки до берега Оки (район Покровской и Никитской улиц). 22 сентября 1865 года сгорели дома и лавки на Кромской площади.

Как пишет С. И. Федоров в книге «Орел», «16 ноября 1779 г. был утвержден первый в истории города регулярный план Орла. Новый план делил город на три части, каждая имела площадь, свободную от застройки: Воздвиженскую — в районе современного кинотеатра «Родина», Кромскую — теперь Комсомольскую, ныне несуществующую Полесскую».

Хвастливая мельница в XVIII веке принадлежала графу Головкину. Она упомянута в «Новом и полном географическом словаре Российского государства» 1788 года (часть IV, глава «Орел»). «Повыше города стоящая», она в летнюю пору служила вместо шлюза. Купцы, которым нужна была вода «для поднятия судов», вынуждены были платить Головкину. По мнению И. И. Лебедева и П. С. Ткачевского, авторов книги «Г. Орел» (Орел, 1927), мельница находилась на Оке, немного ниже железнодорожного моста. Название получила от имени

или прозвища первого владельца. В писцовых книгах упоминаются братья Семен и Кондратий Хвасливые, державшие в Орле «мельничное строение».

Пушкарная слобода постановлением Орловского губисполкома от 11 февраля 1920 года была включена в черту города вместе с Монастырской, Стрелецкой, Пятницкой и Покровской. В наше время там, где жили пушкарники, вытянулись улицы 1-я Пушкарная, 2-я Пушкарная, Садово-Пушкарная. На 2-й Пушкарной цел дом, в котором родился и провел детские годы Л. Н. Андреев, знаменитый писатель. На Садово-Пушкарной жил до последнего дня автор книги о нем, писатель-литературовед Л. Н. Афонин.

Соляные конторы были в поле. Ныне — Соляной переулок.

Крестительская церковь — памятник архитектуры XVIII века, описана в «Мощах» писателя-орловца И. Ф. Каллиникова. На кладбище много похоронено умерших от ран героев 1812 года, вместе с французами. «В декабре, на Крестительском кладбище хоронили мертвых русских и французов в одну яму, человек по 200; иногда более, иногда менее». (А. Пупарев «Пожертвования и повинности г. Орла в войну 1812 года», в четвертом выпуске «Трудов Орловской ученой архивной комиссий» 1890 года). Обширнейший труд Г. М. Пясецкого «Орловские кладбища и состоящие при них церкви и богадельни», опубликованный в «Орловских епархиальных ведомостях» 1898–1899 годов, касается и Крестительского. Нам остается добавить, что в наши дни там были похоронены писатель Л. Н. Афонин, поэт В. А. Орлов, художник В. А. Пуршев.

Карачевская улица получила название от дорожка, что вела из Орловской крепости на Карачев. В советское время она стала улицей Сакко и Ванцетти. На одном из деревянных одноэтажных зданий — мемориальная доска: родился поэт-сатириконец П. П. Потемкин.

Стрелецкая слобода, хранившая память о стрельцах, высланных Петром Первым из Москвы, исчезла. Вместо нее — улица Комсомольская.

Черкасская слобода была там, где теперь Черкасская улица.

Очный мост — это наш Красный мост, возведенный после войны. До революции был мост, в строительстве которого участвовали турки, взятые в плен русскими солдатами в Освободительной войне в Болгарии. Об этом мы узнаем из рукописи И. М. Пухальского, посвященной истории Ильинки, хранящейся в музее И. С. Тургенева. Мост, упомянутый Басовым, был другим.

Пересыханка — крохотная речушка-ручей, бежавшая когда-то в Оку, исчезла. Н. Слесков называл ее Перестанкой. Она осталась в памяти старожилов, да в стихах Николая Брауна, воспитанника Орловской гимназии: «Не пересыхай, Пересыханка»...

Мацневская улица — улица 3-я Курская. Мацневский переулок — улица Русанова: дом-музей знаменитого полярника напоминает о детстве, проведенном здесь, о революционной юности славного орловца.

Разбегаевка — место, называвшееся так по перекрестку трех дорог: на Москву, на Новосиль, на Курск. Впоследствии находившийся здесь питейный дом назывался «Разбегаев кабак».

Церковь Калиты была на теперешней улице Пушкина у пересечения с 1-й Курской.

Новосилкова гора, видимо, в районе Курских улиц, по дороге на Новосиль. В наши дни от набережной Дубровинского, у объединения «Радуга», начинается Новосильская улица, между Московской и Пушкинской есть Новосильский переулок, от железной дороги Орел-Елец берет начало Новосильское шоссе.

Карачевская застава была на Карачевской улице.

Покровская слобода — это улицы Советская, Разина, Дзержинского, район бывших Никитских или Нижних улиц.

Пятницкая слобода была рядом с Покровской, в районе универмага.

Солдатская слобода сначала находилась за церковью Георгия, где ныне сад Аквариум. Потом Солдатской слободой стала окраина города. Ныне — это улица писателя И. А. Новикова.

«Орловский Введенский девичий монастырь основался на старом Афанасьевском погосте, — писал Пясецкий в «Истории Орловской епархии», — при следующих обстоятельствах. Когда вокруг этого погоста, по восстановлению города, построилось уже несколько дворов, Демка Калинин ходатайствовал о восстановлении своего приходского храма; по каковому ходатайству «грамотою 7152 (1644) года июля 14 дня от царя и великого князя Михаила Федоровича всея России на Орел к воеводе князю Семену Федоровичу Волконскому, за рукой дьяка Максима Чиркова и за справкою Юшки Собакина повелевалось оному Калинину с: братьями на прежнем церковном деда их, служившего до Литовского разорения на Орле, на посаде, за рекою за Орлом, у церкви Афанасия и Кирилла, попа Ивана Калинина месте церковь воздвигнуть, и попа определить, и церковною землею, пашнею и сенными покосом и всякими угоды владеть, чем владел исстари оный дед их поп Иван до того Литовского разорения». «Однако Афанасьевский погости после этого лежал впусте» (с. 268). В 1686 году стали жители хлопотать о построении девичьего монастыря. Позволение было получено, земля отведена. «В 1693 году монастырская усадьба, по челобитной игумений Евдокии с сестрами, была расширена, так что по выписи, данной им стольником и воеводою Матвеем Афиногеновичем Че-лицевым, за монастырем значилось усадебной земли: «длины от Болховской дороги ко двору орловского отставного стрельца Ивана Радиана до проулка 39 сажен, а поперек от Введенского монастыря вниз к Орлу реке по обоим концам 19 сажен, а в другую свышнюю сторону — длины от Болховской дороги до переулка, что от Орла реки от мосту 89 сажен»... (с. 271–272). В 1744 году Елизавета Петровна, проезжая через Орел, пожаловала монастырю 500 рублей, истратили на ограду с дубовыми столбами. Из «Исторических очерков Орловского Введенского девичьего монастыря» Г. М. Пясецкого (Орел, 1896) можно узнать, как монахини встречали Цветами на Болховской Екатерину Вторую, как пожар в 1843 году истребил монастырь, как в 1848 году он был открыт на новом месте — при Рождественской церкви, в районе Курских улиц. Остается добавить, что монастырь

описан в романе Лескова «Некуда», что там укрылась от мира Евдокия Коротнева, считавшаяся прототипом Лизы Калитиной из «Дворянского гнезда» И. С. Тургенева.

Церковь Георгия была, видимо, на старом месте Солдатской слободы...

Присутственные места сначала были на берегу Орлика, близ церкви Богоявления, затем их перевели в новый центр Орла (угол теперешних улиц Горького и Пионерской).

54. Приезд Екатерины Второй в Орел 17 и отъезд 18 июня 1787 года описан в очерке Н. П. Барышникова «императрица Екатерина II в Орловской губернии» (Орел, 1886) и в заметке А. Г. Пупарева «Посещение Орла высочайшими особами. Проезд Екатерины II», опубликованной в четвертом выпуске «Трудов Орловской ученой архивной комиссии» 1890 года.

55. Курская застава находилась на Курской улице.

58. Церковь Преображения стояла на Покровской улице между 1-й и 2-й Никитскими. Теперь — четырнадцатизэтажный дом номер 5 по улице Московской. Покровская — универмаг.

Где останавливалась Екатерина Вторая? Пупаревым назван генерал-губернаторский дом. «Для постройки генерал-губернаторского дома, — читаем в книге об Орле Лебедева и Ткачевского, — было занято место у Очного моста, принадлежавшее Михаилу Федотовичу Каменскому (отцу основателя театра в Орле). Место было занято без согласия Каменского и в его отсутствие, а стоявший там дом Каменского (тоже деревянный) был разобран и перевезен в его имение; Каменскому же было предложено выбрать себе, взамен отобранного, место в заорличной части города» (с. 36). Генерал-губернаторский дом «был деревянный и стоял главным фасадом к берегу реки», В 1799 году он пришел в ветхость и были назначены торги этого места. К тому времени был выстроен для губернаторов новый дом — каменный, двухэтажный, в 3-й части города. У Пясецкого в книге об Орле: «Для временного пребывания в Орле императрицы и ее свиты приготовлен был деревянный дворец на левом берегу Оки, где теперь квартал мясных рядов» (с. 169). Пясецкий в сноске привел услышанное от старожиллов,

будто это был дворец М. Ф. Каменского... В наши дни на этом месте — фотография. Летом 1984 года раскопали землю за домом, у самого моста, и обнаружили крутую кладку подвалов.

Московские ворота были построены в 1786 году в честь приезда Екатерины Второй. Дата красовалась вверх. При проезде царицы в 1787 году здесь на ручье Ленивец стояла лодка с четырьмя гребцами: они приветствовали Екатерину и за это получили кошелек с четырьмя золотыми монетами. Ворота были снесены в 1927 году, ручей засыпан в наши дни.

Торговые помещения близ губернаторского дома сгорели, как писали Лебедев и Ткачевский, летом 1789 года.

Елизавета Петровна была в Орле в 1744 году проездом в Киев. В ее свите находился драматург Александр Сумароков.

Половец — овраг в конце Курских улиц.

Место «глаголь» для казней за Орликом не установлено. Судя по описанию, возможно, у теперешнего «Дворянского гнезда».

«Зебры» Якушкин назвал ребрами. То ли уточнил в разговоре с автором, то ли по-своему перевел. У Чехова: зебры — жабры.

Большая Курская дорога на Курск — это улица 1-я Курская.

Разбойник у Якушкина назван Зельниным, хотя в самом начале рассказа о нем приводится вариант фамилии «Зеренин». У Басова просматривается «Зеленин»: такую фамилию на Орловщине можно встретить, эта, видимо, вернее.

68. Площадь перед магистратом — это нынешняя площадь им. Карла Маркса перед ТюЗом, прежняя Театральная.

А. Пупарев в книге «Материалы для истории и статистики Орловской губернии» (Орел, 1877) полагал, что в большом остроге еще до Литовского разорения была церковь Богоявления, а потом была восстановлена. Пясецкий в «Истории Орловской епархии» не соглашался с этим. Он считал, что церковь «не была возобновлена, а построена вновь». В 1644 году под церковь и кладбище губной староста Козьма Пеншин отмерил землю «на Орле на посаде в большом остроге» и «подле

дороги, что к мосту от Орла реки до рва». Церковь к этому времени, полагал Пясецкий, была построена. Существовал Богоявленский монастырь до пожара 1673 года. Затем его перенесли за Оку, на гору и назвали Успенским. (В 1693 году он уже получал вклады от богатых людей). Первые монахи жили на Ямской горе в пещерах, которые потом были сокрыты под архиерейским домом. Вотчинами Успенского монастыря были село Архангельское; деревня Орлица и Подмонастырская слобода. В 1820 году в помещениях Успенского монастыря была устроена резиденция архиерея. Штат Успенского монастыря был переведен в том же году во Мценск. (См. в кн.: «Орловский архиерейский дом и его постройки». — Орел, 1910).

Никольская церковь в рыбных рядах (близ теперешнего рынка) была в народе известна под названием «Николы рыбного», в отличие от «Николы па Песках».

Церковь Воскресения или Воскресенская была по левую сторону Вышней Корчаковской (Кромской) дороги, Имела земли «в смежности с землями слобод Черкасской, Покровской и Пятницкой». В ее приходе жили стрельцы, образовавшие Стрелецкую слободу. Ныне — угол улицы Черкасской и Володарского переулка.

69 а. «Забор» — означает брать товар с последующей отдачей.

Воздвиженская площадь получила название от Крестовоздвиженской церкви, что стояла на месте кинотеатра «Родина» (Промышленная площадь).

Богдановка — место у Никитской церкви, названное так по находившемуся здесь прежде «Божьему дому» — прибежищу бедняков и нищих.

72. О Монастырской роще см. выше под № 9.

Мамонова роща была на краю города, на берегу Орлика.

Торжество, устроенное М. Ф. Каменским, могло происходить значительно ранее, так как в 1810 году его уже на свете не было.

Образцово — старинное село. (В 1594 году уже существовал Образцов починок). Расположено, примерно, в 5–6 километрах от Орла по дороге на Брянск.

Село Жилино и роща Костомарова вошли в наши дни в черту города, и улица Октябрьская, берущая начало на берегу Орлика в районе Дворянского гнезда, здесь застроена высокими домами.

77. Городской сад — это нынешний парк культуры и отдыха на высоком берегу Оки. Торжественно открыт 1 мая 1823 года. В 1860 году сначала помещен в «Орловских губернских ведомостях», затем отдельной брошюрой издан очерк Дмитрия Добрынина «Орловский городской публичный Шредерский сад и его история». В 1984 году в Туле вышел труд краеведа О. П. Власовой «Орловский городской сад», в котором упомянут и ведущий к парку широкий бульвар, заложенный в 1819 году. У входа в парк отмечено памятником Тургенева место, где, по преданию, был «Тургеневский бережок», куда няня привозила в коляске будущую славу Орла. Привозила сюда гулять няня и маленького Лескова.

78. Верхняя мельница была на Орлике. Тургеневский мост через Орлик.

Введенская церковь стояла на Введенской улице, ныне — типография «Труд».

Генерал-фельдмаршал М. Ф. Каменский был убит И. А. Дмитриевым близ села Сабурово на Медвежьей горе 12 августа 1809 года, похороны состоялись 15 августа. На месте его гибели до 1889 года лежал камень более 300 пудов. М. И. Пыляев в книге «Старая Москва» (СПб, 1891) привел разные версии убийства, но убийцу не назвал. В. А. Жуковский отозвался стихотворением на смерть Каменского. В Сабурове родилась легенда о добром молодце Оцонушке (угадывается имя Иасона Дмитриева). В крепости, основанной графом, можно увидеть стены, башни. Наполовину сохранилась церковь: исчезла та половина, под сводами которой был похоронен М. Ф. Каменский (1738–1809), а также его сыновья Сергей (1771–1835) и Николай, полководец суворовской школы (1776–1811).

Иасон Александрович Дмитриев, умерший по словам Басова в остроге, был 31 декабря 1809 года приговорен Орловской палатой уголовного суда к наказанию кнутом и после наказа-

ния должен был с вырезанными ноздрями и штемпельными знаками на лице отправиться на вечную каторгу.

Сергей Михайлович Каменский, старший сын основателя Сабуровской крепости, генерал от инфантерии, командовавший корпусом в войне с турками в 1810 году, открыл в Орле театр в 1815 году. Жизнь крепостных актеров описали А. И. Герцен в «Сороке-воровке», Н. С. Лесков «Тупейном художнике», Л. Н. Афонин в «Повести об Орловском театре».

С. М. Каменский умер в 1835 году 64 лет. Его сын Николай Сергеевич (1820–1868) был орловским помещиком, внук Сергей Николаевич (1868–1951), полковник Генерального штаба, читал в 1920 году лекции на курсах высшего комсостава.

В книге «Краткий исторический очерк Орловского-Бахтина кадетского корпуса (1843–1893)», выпущенной к 50-летию корпуса в Орле в 1893 году, говорится, что в 1835 году Михаил Петрович Бахтин, отставной полковник, орловский и курский помещик, «не имея потомства, ходатайствовал о принятии от него, на устройство кадетского корпуса в Орле, капитала в 1500000 рублей и благоприобретенного имения в 2700 душ крестьян» (с. 1). Николай Первый приказал «для построения корпуса приобрести покупкою в Орле место с домом Каменского», Бахтин был произведен в генерал-майоры и награжден орденом Владимира 2-й степени, в честь его была выбита золотая медаль. Место Каменского было куплено вместе с деревянным домом и службами было «приобретено покупкою в казну за 33428 р. 57 к.» Дом был разобран, значительная его часть была отдана городу на постройку театра. «Этот первый общественный театр в Орле, возведенный на том месте, где находится теперь гауптвахта, сгорел во время большого пожара в 1841 году». 19 августа 1837 года корпус заложили, 6 декабря 1843 года открыли, в 1849 году состоялся первый выпуск, в конце 1863–1864 учебного года корпус был переименован в Орловскую-Бахтина военную гимназию (17 мая 1864 г.). Среди выпускников — деятели революционного движения в России Д. М. Рогачев, С. М. Степняк-Кравчинский, А. И. Баранников. До Великой Отечественной войны в здании размещалось Орловское бронетанковое училище. Здание было

разрушено во время оккупации в 1943 году.

88. «Две сенаторские ревизии Орловской губернии при губернаторе Яковлеве» А. Г. Пупарева опубликованы в «Трудах Орл. уч. арх. комиссии» (1894, выпуск четвертый). Сенатор статский советник Николай Ефимович Мясоедов прибыл в Орел 21 августа 1816 года «с целым штатом набранных им из разных мест чиновников», между ними есть и Михайлов. В «Трудах» 1891 года, выпуск первый, опубликована «Ревизия сенатора Мясоедова и ее последствия» А. Г. Пупарева, где рассказано о проверке Думы по жалобе мещанина Алексея Анцыфорова.

88 а. Дед Владимира Александровича Русанова.

89. 1812 год в Орле нашел отражение в «Трудах» 1890 года, выпуск четвертый (А. Пупарев «Пожертвования и повинности г. Орла в войну 1812 г. »), в биографиях В. А. Жуковского (приезжал, писал «Певца во стане русских воинов» в Черни под Болховом), братьев Киреевских (их отец Василий Иванович ухаживал за ранеными, заразился и умер), М. И. Глинки (в детстве с родителями находился в Орле), историка Н. Г. Устрялова (из воспоминаний о детстве в Богородицком на реке Неручь).

Фармазоны — члены масонской ложи. Руководителем ложи был местный вице-губернатор З. Я. Карнеев (ум. 1828 г.), а членами ее — многие представители губернской администрации, писатель-масон И. В. Лопухин, автор первой книги, вышедшей в Орле в 1814 году (масонского содержания), живший в Рятежах Кромского уезда; знакомый А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, В. А. Жуковского и др.

Губернаторский дом на бывшей Садовой, ныне улица Горького, напротив городского парка, в наше время дополнен третьим этажом. Здесь бывал Л. Н. Толстой о чем говорит мемориальная доска. В 1898 году Толстой осматривал тюрьму, собирая материалы для романа «Воскресение». В доме губернатора И. П. Вульфа в 1800 году родилась А. П. Керн. Служил чиновником при губернаторе в 60-е годы прошлого века А. Н. Апухтин. Сюда на пути в тюрьму доставляли писателя И. П. Белоконского.

У Пясецкого в «Исторических очерках города Орла»: «В это время в г. Орле не было пушек. На пересылку 10 конфедератских орудий из Смоленска издержано 283 руб. 60 коп.». Открывал губернию 10 января 1779 года генерал-поручик, лейбгвардии Измайловского полка премьер-майор и сенатор Евдоким Алексеевич Щербинин, исполнявший должность генерал-губернатора Смоленского и Орловского наместничеств вместо князя Н. В. Репнина, находившегося по дипломатическим делам за границей до половины 1779 года.

Первым гражданским губернатором был генерал-поручик Авраам Степанович Лопухин, вице-губернатором — статский советник Дмитрий Иванович Балашов.

Церковь Рождества богородицы или Рождественский собор, по словам Пясецкого, «к концу царствования Петра I-го открывалась во всем своем виде», это была «двухэтажная каменная церковь, с каменной при ней колокольной, обнесенная вокруг оградой с каменными при подъезде воротами». Ее видел у развалин Орловской крепости в 1711 году путешествующий священник Лукьянов. Здесь «торжественно возвещались громкие победы и деяния Петра Великого и Екатерины II». В 1786 году губернский архитектор Кливер осмотрел собор и признал его ветхим. Разобрали. Поставили каменный столб с крестом. Через полсотни лет крест отнесли на колокольню Богоявленской церкви, церковное имущество перешло к Борисоглебской церкви, а на месте пустом купец Сошин поставил двор «с обывательскими надобностями». «В нескольких шагах от Рождественского собора, вверх по течению Орлика, на правом его берегу, находился мужской Богоявленский монастырь»... (Пясецкий). По преданию, на месте Богоявленской церкви была церковь Бориса и Глеба, деревянная.

В 1786 году, когда Рождественский собор был разобран, временным кафедральным собором стала Борисоглебская церковь. Находилась она на Борисоглебской улице (ныне улица Салтыкова-Щедрина). В ней в 1818 году крестили И. С. Тургенева. Здание сгорело в пожаре 1841 года.

96. 97. Подробно рассказано в статье А. Пупарева «Проезды великих князей через Орел и посещение Орла императором

Александром I. Провезение его праха через Орел». («Труды»... 1890, выпуск четвертый). Великий князь Николай Павлович приезжал летом 1816 года, Александр Первый — в 1817, в 1823

...

96 а. О благородном пансионе в Орле сведений не найдено.

Дом Дворянского собрания стоял на месте нынешнего здания Орловского драматического театра имени И. С. Тургенева. Сгорел в годы гражданской войны.

Александровское — село Похваснева, находилось в Болховском уезде.

100. Николай Первый посещал Орел не раз. Один из его приездов (1834 г.) описал Ф. Глинка, сосланный в Орел.

СОДЕРЖАНИЕ

- История о построении города Орла 6
- О путешествии ее императорского величества через город Орел 13
- Происшествия 14
- О повешении на глаголь Зеленина 14
- О Давыдове с Алябьевым происшествии 15
- О самоваре 19
- О наряде городском. В главном — платья 20
- Молодцы 21
- Ребята 21
- Девушки 21
- О старухах 22
- Об обрядах городских и увеселениях 23
- О сырной неделе 26
- О приезде в город Орел ревизора генерала Николая Ефимовича Мясоедова в 1816 году 29
- О фармазонах 36
- Открытие губернии в городе Орле в 1779 году 37
- О губернаторе Николае Ивановиче Шредере, преобразователе города Орла 38
- О перевезении тела покойного государя императора Алек-

сандра 39

Путешествие его величества государя императора Александра Павловича в 1823 г. 41

Путешествие его императорского величества государя императора Николая Павловича по России 44

Прибытие в город Орел его императорского величества государя императора Николая Павловича 46

ПРИМЕЧАНИЯ 48

Истории русской провинции № 81
Историко-просветительский журнал
г. Орел, ул. 2-я Курская, 25. Тел./факс (4862) 55-11-71
Журнал зарегистрирован Комитетом РФ по печати.
Свидетельство о регистрации № 013819 от 21 июня 1995 г.

Граф Алексей Каменский

Граф Сергей Михайлович Каменский
(1771—1835)

Формат 60x841/16 .Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ No .
Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Типография «Труд».
302028, г. Орел, ул. Ленина, 1.